

Александр Белогоров

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ
59

Сундук
с проклятием

Чаша
из склепа

Большая книга ужасов

Александр Белогоров

**Большая книга
ужасов – 59 (сборник)**

«ЭКСМО»

2014

Белогоров А. И.

Большая книга ужасов – 59 (сборник) / А. И. Белогоров —
«Эксмо», 2014 — (Большая книга ужасов)

«Сундук с проклятием» Алина всегда считала, что чердак – очень интересное место. Особенно если он находится в доме на краю деревни, где много лет почему-то никто не жил... Что ж, именно на таком чердаке девочка обнаружила однажды большой деревянный сундук. В ту же ночь ей приснилась бывшая хозяйка дома, бабка Акулина. А наутро нашелся и ключ от сундука... Правда, внутри оказались лишь старая вышивка, иголки и пяльцы. Первым делом Алина до крови уколола палец, но не придала этому значения. Потом девочка вдруг сама увлеклась вышиванием. А еще через пару дней поняла, почему бабку Акулину боялись и ненавидели все вокруг. «Чаша из склепа» Конечно, Антон понимал, что на спор отправиться ночью на кладбище – это совсем не то, что днем прогуляться по парку с аттракционами, но чтобы такое... словно из ниоткуда рядом с причудливым старинным монументом возникает незнакомец в черном, протягивает Антону кубок с напитком алого цвета и приказывает выполнить задание: принести ему загадочную книгу. «А не мерещится ли мне все это с перепугу?!» – хватается за соломинку Антон и с ужасом видит у себя на груди зловещий таинственный знак...

© Белогоров А. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Сундук с проклятием	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Белогоров

Большая книга ужасов – 59 (сборник)

© Белогоров А.И., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Сундук с проклятием

Глава 1 Старый чердак

То, что чердак – самое интересное, что только может быть в старом доме, Алина усвоила давно. Возможно, кое-кто из подруг и ровесниц с ней бы и не согласился, утверждая, что на чердаках всегда пыльно и там водятся (брр!) пауки. Но пауков и прочую мелкую живность Алина никогда не боялась, а что касается пыли – что ж, если хочешь обнаружить что-то интересное, иногда приходится немного запачкаться. А аллергии у нее, слава богу, нет. Еще учась в младших классах, она на каникулах облазила вместе с мальчишками все доступные чердаки в дачном поселке, играла с ними в разбойников и пиратов и была единственной девчонкой, которую они всегда принимали в свою команду. Жаль, что после смерти бабушки дача перешла к другим родственникам, с которыми у ее родителей отношения были весьма напряженными. Так что в поселке она не была уже несколько лет.

В этом году родители наконец накопили достаточно денег для покупки самого настоящего деревенского дома. Конечно, добираться до него было далековато – не то что до старой дачи, – несколько часов на машине или два с половиной на электричке, а потом еще пешком. Но зато и дом и участок впечатляли своими размерами. Да и места здесь были красивые.

При первом знакомстве старый бревенчатый дом производил мрачноватое впечатление, как и заросший сорняками участок. Вероятно, поэтому и цена оказалась очень умеренной. Но отец так рьяно взялся за ремонт дома и приведение участка в порядок, что вскоре их было просто не узнать. Даже мама, поначалу сильно сомневавшаяся в целесообразности такой покупки, теперь смогла оценить все ее плюсы. Алине же дом понравился сразу, и она даже слегка жалела, что сад не остался в таком заброшенном и, как ей казалось, романтическом состоянии.

Вот только на новом месте оказалось скучновато. Местные жители не слишком жаловали приезжих из столицы. Что же касается других дачников, то, как нарочно, ни у кого из них не было детей Алининого возраста. Оставалось надеяться, что ситуация хоть немного изменится к лету. Пока же дачные поездки на выходные большой радости не приносили. Приходилось в основном помогать родителям, а в свободное время сидеть с книжкой, любоваться природой и дышать свежим воздухом. Занятия не самые плохие, но когда тебе тринадцать, хочется проводить время более энергично. Девочка с удовольствием оставалась бы в городе, но родители слишком увлеклись обустройством летнего жилища (они хотели все подготовить к лету) и ездили сюда каждые выходные. Оставлять же ее дома одну они ни за что не соглашались.

Чердак поманил Алину с первого взгляда, как только она впервые вошла в дом. К сожалению, ведущая туда дверь была закрыта на неправдоподобно большой замок, ключей от которого у прошлых владельцев то ли не было, то ли они просто забыли их передать. Алина несколько раз предлагала отцу взломать замок, но тот только отмахивался. У него было слишком много дел и без чердака. К тому же он резонно замечал, что места здесь и без того полно, а на чердак покуда и положить-то нечего. Действительно, из вещей в деревенском доме пока что было лишь самое необходимое, из-за чего он, к маминому огорчению, и казался пустым и неуютным.

Но на этих выходных Алине повезло. В пятницу, поздно вечером, когда семья, вырвавшись из московских пробок добралась наконец до дачи, девочка, заходя на крыльцо, в темноте обо что-то споткнулась. Одна из досок оказалась неплотно пригнана. Послышался звон. Алина вышла на крыльцо с фонарем и обнаружила лежащий на ступеньках большой ключ. То ли он

когда-то угодил в щель между досками и теперь выпал наружу, то ли у прежних хозяев здесь было что-то вроде небольшого тайника.

Ключ был старый и ржавый, но Алина с радостью его схватила. Она была уверена, что, судя по размерам, он как раз подойдет к чердачному замку. Интуиция ее не обманула. Ключ, несмотря на ржавчину, свободно вошел замок и без всяких усилий повернулся в нем, хотя и издал при этом противный скрежет. С чердака пахло сыростью, пылью и ощущением тайны. Девочке очень хотелось обследовать его немедленно, но время было настолько позднее, что пришлось отложить это до утра, а пока что, поужинав на скорую руку, отправиться в постель.

Обычно на природе Алине спалось гораздо лучше, чем в городской квартире, окна которой выходили на оживленную магистраль. Но не в этот раз. Ей, никогда не боявшейся пауков, снилось, будто она запуталась в паутине и не может из нее выбраться, в то время как некто (во сне не было видно кто, но, наверное, огромный паук) подползает к ней все ближе и ближе. Девочка проснулась вся в поту, и поначалу ей даже показалось, что она и вправду не может пошевелиться. Но все объяснилось просто: она так ворочалась, что умудрилась запутаться в постельном белье. Некоторое время Алина лежала без сна; ей все чудились какие-то скрипы и шорохи, на которые она не обращала внимания во время прошлых ночевок. Но потом усталость взяла верх. На сей раз сон оказался совсем несуразным. В нем девочка сама была пауком, плетущим сети, в которые попадались ее знакомые. Причем во сне она делала это с таким злорадством, что потом, по пробуждении, испытала даже что-то вроде стыда.

Погода стояла прекрасная, но прогулка в этот день совершенно не манила Алину. Ей хотелось как можно скорее оказаться на чердаке. Она была просто уверена, что там хранится что-то интересное. Иначе зачем бы стали вешать такой замок и прятать ключ? Однако сначала нужно было помочь маме с посудой, потом – с новыми шторами и, наконец, с обедом, так что до чердака очередь дошла только после полудня.

Войдя на чердак, Алина первым делом расчихалась. Открыв дверь, она потревожила многолетнюю пыль, которая теперь летала в затхлом воздухе, забиваясь в глаза, уши, рот и нос. Разглядеть что-нибудь без фонарика оказалось почти невозможно: подслеповатое окошко под крышей было совсем крохотным и таким грязным, что девочка вообще усомнилась, вставлено ли в него стекло или какой-то более плотный материал, едва пропускающий свет.

Алина вернулась за фонарем, но за мгновение до того, как его зажечь, испытала странное чувство. Она представила чердак во всех деталях, как будто бывала здесь неоднократно. И предчувствие ее не обмануло. Помещение выглядело именно так, как она и представляла, разве что оказалось гораздо запущеннее.

Пространство под низким потолком пересекали массивные балки. Чтобы пройти под ними, даже Алине, не отличавшейся высоким ростом, приходилось нагибаться. Пауки давно уже облюбовали почти всю площадь чердака, и, чтобы пробраться вперед, не задевая их сетей, словно гигантская муха, требовалась изрядная гибкость. Конечно, следовало бы спуститься за шваброй и разогнать это паучье царство, однако девочка захотела сначала осмотреться, отложив неприятную, но неизбежную уборку на потом.

Вещей на чердаке, к ее огорчению, оказалось не так уж много. Хотя, конечно, большой медный самовар или самая настоящая керосиновая лампа привлекали внимание. Это раньше к подобным предметам относились как к хламу. Теперь же они – самый настоящий антиквариат. «Интересно, а самые обычные вещи, которыми мы пользуемся сейчас, тоже потом станут ценностью и музейной редкостью?» – мимоходом подумала она. Но самым интересным из того, что находилось на чердаке, был, конечно, массивный сундук, скромно стоящий в самом дальнем углу. Решив, что все остальное подождет, Алина, ловко уворачиваясь от паутины, направилась прямо к нему.

Сундук, покрытый затейливой резьбой, с окованными углами казался действительно ценной вещью и выглядел на чердаке деревенского дома случайным гостем, словно аристократ,

неожиданно оказавшийся в трущобах. Но девочка залюбовалась необычными, сложными узорами на крышке лишь на мгновение. Ей не терпелось заглянуть внутрь, где, как она была почти уверена, хранилось что-то необычное. Но, увы, сундук оказался заперт, а большой ключ явно не подходил к маленькой изящной скважине. Алина внимательно осмотрелась кругом, надеясь, что ключик находится где-то рядом, но луч фонаря так и не смог ничего обнаружить в окружающем беспорядке.

Сзади послышался скрип шагов и раздалось громкое чихание. Это мама решила полюбопытствовать, что дочь нашла на старом чердаке, но расчихалась так, что не могла остановиться.

– Алина, спускайся немедленно! – воскликнула она в перерыве между двумя «апчхи». – Что ты делаешь в этой грязи? Сначала нужно здесь хоть немного убраться.

Девочка, хотя и была не очень довольна тем, что ей помешали, признала правоту матери. Уборка была действительно необходима. А там, глядишь, и ключ отыщется. Она еще раз взглянула на сундук, дразнивший ее скрытой в нем тайной, и спустилась вниз следом за мамой.

После обеда Алина без всяких понуканий поднялась на чердак с ведром, тряпками и шваброй и до самого вечера самоотверженно боролась с пылью и паутиной. В результате чердак стал выглядеть более-менее прилично, чего нельзя было сказать о самой девочке. Значительная часть грязи и пыли перекочевала на нее. И если старую одежду было не жаль (вместо того чтобы выбросить, ее привезли сюда специально для таких случаев), то голову, как запоздало подумала Алина, следовало хотя бы прикрыть платком. Это, конечно, не казалось ей верхом красоты – ну для кого там наряжаться, не для пауков же, в самом деле!

В результате остаток вечера прошел за малоприятной процедурой нагревания воды и мытьем головы над большим тазом, перекочевавшим в дом с чердака и предварительно тщательно отмытым мамой. Мыть голову таким образом для городской жительницы, привыкшей ко всем удобствам, было страшно неудобно. И как только справлялись девушки в прошлые века! К тому же папа, которого этот процесс немало повеселил, называл ее барышней-крестьянкой и замарашкой, что почему-то казалось обидным.

Весь вечер Алина мысленно возвращалась к сундуку. Она перебрала все места, где мог бы оказаться ключ, и поняла, что если его нет на чердаке, то найти его вряд ли получится. Уж если даже ключ от самого чердака отыскался совершенно случайно!.. Можно, конечно, попробовать подобрать какой-нибудь ключик, да только вряд ли он подойдет к старинному замку. Некоторые умельцы вообще вскрывают небольшие замки обычной булавкой, но знакомых, обладающих такими криминальными талантами, у нее точно не было. Оставалось надеяться отыскать ключ или же ждать, что папа, также заинтересовавшийся находкой, отвезет сундук специалисту. Но это на крайний случай. А пока что Алине очень хотелось первой поднять крышку и увидеть, что там внутри.

За городом семья ложилась спать довольно рано. К этому располагала как тихая обстановка, так и отсутствие телевизора. На последнем обстоятельстве особо настаивал папа, считавший, что в деревне следует отдохнуть от цивилизации и, как он выразился, «прочистить мозги от зомбоящика». Мама с Алиной спорить с ним пока что не стали, но в будущем все же надеялись его переубедить.

Нормально поболтать по телефону здесь тоже не было никакой возможности. Деревня располагалась в низине, и сотовая связь была отвратительной. Вернее, ее вообще не было – разве что на нескольких возвышенностях, которые, как нарочно, находились на другом конце деревни. Местные жители, если им требовалось позвонить, обычно пользовались стационарным телефоном в здании поселковой администрации. Маму с Алиной это слегка огорчало, зато папа, которого частенько донимали деловыми звонками по вечерам и в выходные дни, был просто в восторге и говорил, что только здесь может расслабиться и отдохнуть по-настоящему.

Казалось бы, девочка, здорово уставшая за день, должна была заснуть с легкостью. Но мысли о сундуке никак не давали ей покоя, и она долго ворочалась в постели. Родители уже

давно уснули, когда она услышала какой-то подозрительный шум, который, как ей казалось, доносился с чердака. Конечно, она уже успела привыкнуть к тому, что здесь по ночам раздаются немало звуков, непривычных для уха горожанина и способных напугать впечатлительного человека. Ее, правда, такое не пугало, а вот мама несколько раз просила папу, даже посреди ночи, пойти и проверить, что это за подозрительный шорох или стук. Но в последнее время к ним привыкла и она.

Однако в этот раз шум отнюдь не казался естественным и совсем не походил на обычные ночные звуки. Девочке казалось, что прямо над ее головой раздаются шаги, шаркающие, но вполне уверенные. Так может ходить в своем доме пожилой человек. Шаги сопровождались каким-то неясным шелестом, напоминающим бормотание, уловить смысл которого не получалось, сколько Алина ни напрягала слух. Затем послышался скрежет и легкий стук, и девочка вдруг подумала, что именно с таким звуком должен открываться старый сундук. За новой порцией бормотания послышался едва уловимый звон стекла или железа, продолжавшийся в течение нескольких минут, вновь прервавшийся скрежетом и стуком, и наконец все смолкло.

Некоторое время Алина напряженно вслушивалась в тишину, пытаясь представить, что же могло происходить на чердаке. Однако новых звуков не раздавалось, напряжение постепенно отступало, и девочка сама не заметила, как уснула.

Но чердак не выходил из головы у Алины даже во сне. Она видела, как поднимается по лестнице и идет к нему, причем света во сне было вполне достаточно и без всяких фонарей. Перед открытым сундуком стояла на коленях сгорбленная фигура в черном. По-видимому, это была очень старая женщина, но девочка видела ее только со спины, поэтому не могла быть ни в чем уверена. На внутренней стороне крышки сундука было зеркало, но в его тусклом стекле ничего, кроме смутного силуэта, разглядеть не удавалось. На двух узких бортиках сундука стояло по свече, и Алина даже во сне подумала, что так недалеко и до пожара. Старуха копалась в сундуке, перебирая какие-то вещи и, очевидно, что-то отыскивая, но девочка стояла слишком далеко и не могла заглянуть ей через плечо, чтобы увидеть, что же именно там лежит.

Неожиданно старуха обернулась, и Алина вскрикнула от страха. Впрочем, ей ничего не угрожало. Женщина, платок на голове которой так закрывал лицо, что девочке не удавалось разглядеть его, протянула ей пальцы со вставленной в них тканью, из которой торчала иголка с ниткой. Алина во сне приняла этот дар с благодарностью, хотя в жизни такой подарок вызвал бы скорее недоумение.

Старуха между тем шаркающей походкой направилась к лестнице, знаком предложив девочке следовать за собой. Алина подчинилась и пошла следом, причем пальцы с канвой таинственным образом испарились у нее из рук, а сундук, как она успела заметить, вновь оказался закрытым. Старуха подошла к иконе, висевшей в сенях. Она находилась в этом месте не только во сне, но и наяву, оставшись от прежних хозяев. Помнится, икона показалась всем несколько необычной, однако в чем заключалась эта необычность, ни Алина, ни родители, будучи людьми далекими от церкви, сказать не могли. Ее так и оставили на прежнем месте. Женщина, посмотрев на икону, поклонилась и вроде бы перекрестилась, хотя движение ее руки и показалось девочке каким-то странным, не совсем таким, как она видела у верующих.

Слегка приподняв икону от стены, старуха пошарила за ней и извлекла небольшой предмет, похожий на крестик, только очень странной формы. Что-то пробормотав и, как показалось Алине, тихо засмеявшись, она вновь направилась на чердак, пригласив девочку идти за ней. Дойдя до сундука, старуха протянула необычный крестик девочке, указав другой рукой на сундук. Алина послушно взяла и этот дар, оказавшийся неожиданно тяжелым, подошла к сундуку – и в этот миг проснулась. В момент пробуждения у нее в ушах звучало слово «Акулина». Вроде бы какое-то старинное имя, вот только при чем здесь она?

Глава 2

Сон в руку

Было раннее утро. За окном еще только-только рассвело. В другой день, особенно выходной, Алина бы просто повернулась на другой бок, чтобы подремать сколько возможно. Но не сейчас. Она быстро вскочила с кровати и, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить родителей, босиком прошла в сени и подошла к иконе. Девочка на мгновение замерла перед ней, всматриваясь в образ. Вроде бы икона как икона, ничего особенного, но у изображенной на ней святой было такое злое лицо, что это никоим образом не вязалось с христианскими представлениями о добре и смирении. Очевидно, иконописец оказался совсем неумелым или же во время работы его посещали отнюдь не благочестивые мысли.

Еще раз подивившись несуразному изображению, Алина осторожно взялась за край иконы, и пошарила по тыльной ее стороне. Пальцы девочки нащупали небольшое углубление, а в нем холодный металл. Поддев металлический предмет ногтем, Алина вытащила на свет небольшой, но тяжелый крестик. Девочка ликовала: пока все происходило как во сне, и можно было надеяться, что так будет продолжаться и дальше. В вещие сны она вообще-то не верила, но сейчас не знала что и думать. Неужели ей приснилась бывшая хозяйка дома? Выходило, что так: иначе как объяснить такие совпадения сна и реальности? Ведь Алине в жизни бы не пришлось в голову искать ключ в таком оригинальном тайнике.

Девочка решила сразу подняться на чердак и, пока никто не мешает, проверить, действительно ли крестик является ключом к сундуку. По пути она разглядывала свою находку, положив ее на ладонь. Крестик, сделанный из какого-то тяжелого металла, но точно не из золота, отличался формой от тех, которые носили верующие и какой хранился у Алины дома, – девочка изредка надевала его в качестве украшения. Этот был правильной формы, и по трем его концам проходил замысловатый узор. Четвертый же был почти гладким, если не считать нескольких зазубрин. Очевидно, это и была бородка ключа.

Взяв фонарь, девочка тихонько взошла на чердак и направилась к сундуку. Она подумала, что неплохо бы одеться потеплее – ведь весеннее утро было пока не слишком теплым, а босые ноги и вовсе озябли. Но ей не хотелось терять время на возню с одеждой. По мере приближения к сундуку ей становилось все холоднее, а сердце билось все сильнее. Казалось бы: подумаешь, старый сундук! Но когда есть ощущение тайны, а сны недвусмысленно говорят о том, что ты на пороге чего-то интересного, как тут не разволноваться!

Крестообразный ключ вошел в замочную скважину сразу и легко, без усилий повернулся по часовой стрелке. Как будто замком сундука, в отличие от всего остального в доме, регулярно пользовались. Так как это предположение было совсем уж невероятным, выходило, что сундук, по крайней мере его замок, был изготовлен из очень хорошего материала.

Едва ключ повернулся, крышка сундука открылась сама собой, с легким деревянным стуком, вроде того, что девочка слышала ночью, едва не ударив Алину, от любопытства склонившуюся над ней. На внутренней стороне крышки, точно так же, как и во сне, было укреплено зеркало. Однако, в отличие от замка, его качество очевидно оставляло желать лучшего. Зеркало было совсем тусклым и покрыто мелкими трещинками, так что девочка едва могла узнать свое лицо, выглядевшее в нем болезненным и морщинистым.

Оторвавшись от этой не слишком приятной картины, Алина заглянула внутрь. Она надеялась, что на этот раз сон может ее обмануть и внутри окажется что-то действительно интересное или хотя бы ценное. Однако в точном соответствии со сновидением сверху здесь лежали большие пальцы со вставленной канвой и торчащей из нее иглой с темной ниткой, а ниже – аккуратно уложенные кусочки ткани и мотки нитей. По-видимому, хозяйка сундука была равнодушна к вышиванию. Непонятно только, зачем было держать сундук здесь, подальше

от посторонних глаз, а не в комнате, и почему понадобилось так тщательно прятать ключ. Но у всех, в особенности у старых людей, свои причуды. К тому же раньше в сундуке могло храниться и что-то более ценное. Да и переставить его на чердак могли уже потом: и в комнатах мешает, и выбросить жалко.

Вышивка, конечно, зрелище не самое захватывающее, но и оно может оказаться интересным. Особенно, если она старинная и ею занималась умелая мастерица. Когда-то Алина пробовала вышивать – к этому ее пыталась приучить бабушка. Но у нее вечно не хватало терпения, и работы получались неаккуратными. А потом пошли другие увлечения, и девочка совсем забросила пяльцы. Однако теперь, при виде содержимого сундука, Алине вдруг очень захотелось вернуться к этому занятию.

Она отложила фонарик, полезла за пяльцами с канвой – и тихо вскрикнула. Это же надо умудриться уколоться иголкой, еще даже не начав шить! На подушечке пальца выступила капелька крови. Поморщившись, Алина чуть-чуть пососала место укола и, убедившись, что кровь остановилась, продолжила осмотр. Иголка, которой укололась девочка, была сделана из бледно-желтого металла и казалась длиннее и тоньше обычных. Сначала Алина испугалась, не занесла ли ей эта старинная вещь какую-нибудь заразу. Мало ли что за грибок мог образоваться на ней за много лет, а то и десятилетий. Но иголка, как и все, относящееся к вышивке, находилась в таком отличном состоянии, что беспокойство ушло само собой.

Незаконченная вышивка в пяльцах представляла собой довольно своеобразный узор. Сначала девочка не могла сообразить, где она его видела, но потом поняла, что аналогичный орнамент украшает как крестик-ключ, так и сам сундук. По-видимому, эти непонятные переплетающиеся линии немало значили для бывшей хозяйки, но Алине они казались бессмыслицей, хотя и затейливой. Зато другие работы вызывали только восхищение. В основном здесь хранились вышитые портреты разных людей. Судя по одежде и некоторым деталям, большинству работ было не менее полувека. Или они были сделаны с фотографий того времени. Люди на них выглядели как живые. Просто удивительно, как вышивальщице удалось добиться того, что удается редкому художнику. Здесь было и несколько вышитых домашних животных, но не каких-то схематично-абстрактных, а изображенных, как и люди, очень индивидуально.

Алина так залюбовалась этими вышивками, что забыла и о времени, и о холоде. Поэтому, когда за ее спиной раздались шаги, она вздрогнула всем телом и чуть не закричала. В этот момент ей вдруг показалось, что в зеркале промелькнула какая-то тень. Девочка испуганно обернулась и с облегчением увидела, что это подошла мама. Та, уверенная, что дочь еще спит, услышав на чердаке какие-то звуки, решила подняться и посмотреть, в чем дело. Вышивкой мама никогда не увлекалась, однако, увидев найденные работы, не могла сдержать восхищения.

– Они достойны музея! – заявила она. – Надо будет заказать рамки и развешать их тут по всему дому. Я как раз думала, что делать с этими голыми стенами.

За завтраком только и было разговоров, что о находке. Даже папа оценил мастерство неизвестной вышивальщицы.

– Кстати, а как ты открыла сундук? – спросил он у Алины, уже допивая чай.

– Ключик нашла! – ответила девочка, продемонстрировав свою находку.

– И где же он был спрятан? – полюбопытствовала мама. – Мы вчера, кажется, все здесь обыскали.

– За иконкой, – ответила девочка и почему-то покраснела. Сказанное, конечно, было правдой, однако всю правду рассказывать она не собиралась. История с вещим сном казалась странной даже ей самой, а уж родителей она бы и вовсе несказанно удивила.

– Где-где? – удивилась мама.

– Как ты ее там обнаружила? – поинтересовался папа, никогда не замечавший у дочери какого-либо интереса к религии.

– Случайно, – соврала Алина. – Эта икона какая-то чудная. Я захотела ее поближе посмотреть, сняла со стены, а ключ откуда-то выпал.

– Ну и местечко для ключа! – усмехнулся папа. – У хозяев, похоже, с головой было не все в порядке, если они так ключ от сундука с вышивкой спрятали.

– И ключ-то какой странный, – проговорила мама, рассматривая находку. – Самый настоящий крест. Только какой-то не наш.

– Я его, пожалуй, себе оставлю, – решила Алина. – Тут и маленькое отверстие есть, будет за что повесить...

Вскоре крестик уже красовался на Алининой шее. Девочка подумала, что это здорово и очень удобно. С одной стороны, красиво, а с другой – ключ от сундука всегда у тебя. Можно хранить там какие-то свои вещи, особенно если не хочешь их никому показывать. Ведь сундук едва ли понадобится родителям, а продавать его без особой нужды они тоже вряд ли будут.

Алине почему-то очень хотелось показать свое новое украшение кому-то еще, кроме родителей, и она даже жалела, что с этим придется подождать до завтра. Но что поделаешь, если здесь они еще даже не успели толком с кем-нибудь познакомиться. Тем не менее девочка решила прогуляться хотя бы до местного магазина, как она сказала – «купить что-нибудь вкусненькое к обеду». Увы, встречные дачники и местные жители обращали на нее мало внимания. Последние и вовсе поглядывали на приезжую подозрительно, а однажды она услышала за спиной то ли завистливое, то ли осуждающее «Ишь, вырядилась!».

Уже на пороге магазина Алина чуть не столкнулась с выходящей оттуда старушкой. При этом подслеповатые глаза той оказались на уровне шеи девочки, так что не заметить странный крестик было невозможно. Женщина мелко задрожала. Ее глаза расширились то ли от удивления, то ли от ужаса. «Вернулась! Вернулась!» – испуганно зашептала она, выронила сумку и принялась быстро креститься, что-то бормоча. Удивленная Алина собрала рассыпавшиеся продукты и протянула ей сумку. В ответ старушка, перекрестившись в последний раз и отшатнувшись от собственной сумки, как будто там находилась взрывчатка или змея, с неожиданной прытью заковыляла прочь от магазина.

– Эй, бабушка! Вы забыли! – крикнула ей вслед Алина, не особо надеясь на успех. И действительно, старушка даже не обернулась. Девочка же осталась растерянно стоять на пороге с чужой сумкой в руках, не зная, что с ней теперь делать.

– Это Егоровна. Не обращай внимания! Она немного того. – Из магазина вышел мальчишка Алининого возраста или чуть постарше. Он был высок и худ, но с совсем детским, простоватым лицом, поэтому понять, сколько же ему лет на самом деле, было довольно-таки трудно.

– Я заметила! – хмыкнула Алина и, подняв руку с сумкой, добавила: – Вот только что теперь с этим делать...

– Давай мне, я ей отнесу! – вызвался мальчишка. – Кстати, меня Пашкой зовут. То есть Павлом... Вот...

– Алина, – машинально представилась девочка. Пашка был не очень-то похож на ее одноклассников. Он казался непосредственнее и искреннее их, как будто был поглупее или попроще. Но эта простота ей даже понравилась. К тому же должен же у нее здесь быть хоть один знакомый, чтобы не помереть с тоски летом. А то, что родители собирались сюда с ней надолго, не вызывало сомнений.

– А ты, значит, из того дома, где ведьма жила? – поинтересовался Пашка. – Ну, крайний от леса.

– Из крайнего, – подтвердила Алина, и тут же воскликнула: – Что?! Какая еще ведьма?!

– Да это Егоровна так говорит, – пояснил Пашка, – и еще кое-кто из стариков. В вашем доме когда-то бабка жила, Акулина, кажется, ее звали, вот. Я-то, конечно, ее не застал, это

давно было, так вот, говорили, что у нее дурной глаз. А вот как померла, там подолгу никто не жил. Вот... А теперь вот вы приехали. Вот Егоровна, наверное, и решила, что ты тоже того...

– Знаешь, Павел, – Алина перешла на холодно-официальный тон – уж очень ее задела последняя фраза, – я не знаю, кто здесь «того», но меня с ними сравнивать не нужно. И вообще твоя Егоровна, наверное, своей сумки зажалась.

– И точно! – Пашка звонко хлопнул себя ладонью по лбу. – Пойду успокою ее. А то мало ли что старушка надумала! – Он побежал по улице, легко помахивая сумкой. – Ну, бывай! – помахал он на ходу девочке свободной рукой.

Алина так и не поняла, почувствовал ли Пашка, как ей самой казалось, ледяной тон или просто не заметил таких тонкостей. Скорее всего второе. Во всяком случае, вести он себя продолжал как ни в чем не бывало. Она подумала, что ирония – не лучший вариант общения с такими простоватыми людьми, и пожалела, что не расспросила как следует нового знакомого про дом и его бывшую владелицу. Впрочем, это легко можно будет сделать и в следующий раз.

Продавщица в магазине, слышавшая, по-видимому, весь разговор, смотрела на девочку с явным любопытством и несколько раз задержала взгляд на крестике, однако ничего не сказала. И Алине вдруг совершенно расхотелось, чтобы на это украшение обращали внимание. Она подумала, что, возможно, эту вещь носила та самая старушка, которую суеверные жители считали ведьмой. Еще не хватает, чтобы что-нибудь такое думали про нее! Времена, конечно, уже не те, но мало ли людей, верящих в колдовство, дурной глаз и прочую ерунду!

Глава 3

Неожиданное увлечение

Алина не бралась за вышивку очень давно, но в доме, посмотрев еще раз на работы его прежней хозяйки и взяв в руки пяльцы, она неожиданно испытала сильное желание поработать иголкой и ниткой. Вот только о том, чтобы при ее умении начать вышивать, что называется, с листа, нечего было и думать. Требовалась схема, на которой был бы прорисован каждый крестик и указан цвет, которым его нужно вышивать. Здесь же никаких схем не было и в помине. Так что оставалось дожидаться возвращения домой – девочка смутно помнила, что у нее где-то валялась давно начатая и почти столь же давно заброшенная вышивка.

Где-то вместе со схемой лежали, конечно, и простенькие пластмассовые пяльцы, но они, разумеется, не шли ни в какое сравнение с найденными на чердаке. Так что пяльцы, иголки, а также часть ниток и канвы Алина решила, к изумлению родителей, забрать с собой в город. Даже по пути домой она не находила себе места от нетерпения – так ей хотелось поскорее добраться до вышивки.

В Москву семья прибыла уже вечером – опять задержали пробки. Так что отправляться спать пришлось почти сразу после позднего ужина. Кроме того, требовалось кое-что повторить к завтрашним занятиям. Поэтому до вышивки, находившейся к тому же неизвестно где, руки, к большому сожалению Алины, уже не дошли. Девочка, здорово уставшая за день, уснула быстро. Уже сквозь дремоту, ощутив тяжесть на груди, она подумала, что новое украшение следовало бы снять, да и вообще лучше было бы его немного почистить, прежде чем надевать на себя, но ей уже не хотелось даже отрывать голову от подушки, поэтому крестик остался на шее.

Проснулась Алина посреди ночи, даже ближе к утру, когда городской шум ушедшего дня уже затих, а новый день еще не успел наполнить улицы привычным гулом. За окном проезжали редкие машины, а свет горел всего в нескольких окнах, где, очевидно, проживали люди с маленькими детьми или же страдавшие бессонницей. Спать почему-то уже не хотелось. Указательный палец на правой руке слегка побаливал, и девочка подумала, что вчера следовало бы на всякий случай смазать место укола йодом или зеленкой.

Поворочавшись немного в постели и убедившись, что заснуть сейчас никак не получится, Алина встала, открыла дверцу шкафа и, вытащив несколько вещей, достала из самого дальнего угла свою старую вышивку. Еще вчера она не могла припомнить, где ее искать, а сейчас знала это совершенно точно. Не зря же говорят, что если засыпаешь, думая о какой-то проблеме, то решение зачастую приходит во сне. Психологи утверждают, что это работает подсознание.

Рассмотрев творение своих рук при свете торшера, Алина вздохнула. Собственная вышивка и без того-то казалась ей неаккуратной, а теперь, на фоне найденной в деревенском доме, выглядела и вовсе позорно. Составляющие ее крестики налезали один на другой, оставляя между собой приличные зазоры, а нитки на изнаночной стороне торчали во все стороны, словно непричесанная шевелюра.

Некоторое время Алина с грустью смотрела на дело своих рук, а потом взяла найденные пяльцы, продела нитку в иголку, развернула схему и принялась за работу. Она думала, что после такого большого перерыва у нее и вовсе ничего не будет получаться, а о том, чтобы улучшить технику, нечего и мечтать. Однако дело спорилось так, словно девочка много лет только этим и занималась. Иголка с ниткой легко летали по ткани, то пропадая за ней, то выныривая на поверхность. Не прошло и нескольких минут, как Алина уже забыла обо всем на свете, видя перед собой только крестики и схему, в которую заглядывала довольно редко, как будто и без того знала, что делать дальше.

От этого занятия ее оторвал только звук будильника. Девочка и сама не заметила, как наступило утро. Вышивка же оказалась почти закончена. Это было тем более поразительно, что раньше со значительно меньшим рисунком Алина, как она прекрасно помнила, ковырялась много часов. Контраст свежешитого с предыдущим оказался разительным. Крестики ровненькие, один к одному, находились точно на своих местах, как вышколенные солдаты под командой строгого и толкового военачальника. Такой работой действительно можно было гордиться. Полюбовавшись на нее еще несколько секунд и пожалев, что не успевает доделать все до конца, Алина спрятала все обратно в шкаф и пошла умываться и завтракать. Тем более что мама, привыкшая, что дочь редко встает вовремя даже после сигнала будильника, уже торопила ее из-за двери.

Несмотря на ночное бдение, девочка ощущала себя бодрой и отдохнувшей. Весенняя погода, обещавшая, что вскоре начнутся действительно теплые деньки, и воспоминание об интересной находке делали настроение просто превосходным, несмотря на понедельник. Если бы еще в школу не надо было идти... А впрочем, для того чтобы пообщаться с подругами, пересказать и переслушать все новости, накопившиеся за выходные, годится и школа.

Алинино украшение не прошло незамеченным и удостоилось одобрения одноклассниц. Наверное, потому, что оно было необычным и сделано явно рукою мастера, чем выгодно отличалось от ширпотреба.

– Где ты его купила? Дорогое? – интересовалась Люда, первая модница класса.

– Это подарок, – Алина не собиралась рассказывать невероятную историю находки.

– Да, а от кого? – последовал исполненный любопытства вопрос.

– Не важно! – слегка кокетливо ответила девочка и туманно добавила: – Есть один человек...

– Это на даче, что ли?

– Можно сказать и так... – Алина дала понять, что подробностей не будет.

– А что на нем изображено? – полюбопытствовала Наташа, Алинина соседка по парте и по совместительству ближайшая подруга. – Никогда такого узора не видела.

– Не знаю, – Алина пожала плечами. – Вещь старинная. Теперь, наверное, таких узоров и не делают.

– Я бы не стала надевать не знаю чего, – протянула Люда. – Мало ли что это за символы. Вдруг что-нибудь вредное. – Правда, этому аргументу значения никто не придал. Девочки посчитали, что старинность уникальной вещи просто вызвала у нее дополнительную зависть и желание обладать этим предметом.

После школы Наташа решила разузнать у Алины побольше о заинтересовавшем всех украшении. Девочка уже собиралась все рассказать подруге, но почему-то передумала, заявив, что этот предмет принадлежал кому-то из ее предков и был случайно найден при разборе старых вещей вместе с пальцами, иглками и вышивкой. Конечно, это было не совсем правдой, но, как казалось Алине, в главном она против истины не погрешила. К тому же девочке отчего-то очень хотелось похвастаться находками и своими рукодельными успехами. Но подругу, к сожалению, такие вещи интересовали мало; она считала, что вышивка – это занятие для бабушек или совсем маленьких девочек. Вот украшения – совсем другое дело. Так что желания смотреть находку, пусть и старинную, она не выказала. С одной стороны, это, конечно, вызвало у Алины некоторую досаду, но с другой – оставляло больше времени для вышивки, которой девочка намеревалась заняться сразу, как закончит с уроками.

Доделала вышивку Алина буквально за полчаса и очень пожалела, что все закончилось так быстро. Других схем в доме не было. За новой же нужно было идти в какой-нибудь специальный магазин, а где он находится, девочка не знала. К тому же деньги все равно нужно было брать у родителей, а они придут только вечером. Между тем другие занятия – книги, компью-

тер, прогулка – ее сейчас совершенно не привлекали. Алина только сейчас поняла смысл выражения «руки чешутся». Ее пальцы буквально требовали от хозяйки продолжения работы.

Девочка придирчиво осмотрела свою вышивку и осталась ею довольна. Конечно, картинка с котенком, играющим клубком, выглядела очень простенькой, совсем детской, но лиха беда начало. Алина решила, что в следующий раз выберет куда более сложную схему. А пока не стоит ли как-то продолжить эту вышивку? Например, сделать рамочку. Конечно, без схемы едва ли что-нибудь получится, но почему бы не попробовать? Например, взять тот узор, который вышивала хозяйка деревенского дома. Сложный, конечно, но вдруг выйдет? В конце концов, в случае неудачи можно все распороть.

После нескольких неуверенных крестиков Алина, поначалу тщательно сверявшаяся с образцом, вся ушла в работу. Она уже смотрела только на собственную вышивку, а ее руки летали над канвой, словно сами, без участия хозяйки знали, что нужно делать дальше. Когда девочку оторвал от работы звук открывающейся двери, ей оставалось сделать всего несколько крестиков. Странно, но они вышли далеко не такими уверенными, как предыдущие. Алина знала, что так иногда бывает даже у мастеров своего дела. Когда думаешь о вещи в целом, все получается хорошо. Но стоит сосредоточиться на деталях и начать обдумывать каждое движение – и ошибка не заставит себя ждать.

Пришедшая с работы мама была очень удивлена работой, с гордостью продемонстрированной дочерью. Несмотря на усталость, она с удовольствием согласилась дойти с Алиной до метро, рядом с которым видела какой-то магазин для рукоделия, и выбрать новый набор для вышивки. Ее очень порадовало такое мирное увлечение дочери, до недавнего времени ведшей себя порой как мальчишка; она очень надеялась, что это вполне женственное хобби у Алины надолго.

В магазине у девочки просто разбежались глаза от обилия самых разнообразных наборов любых размеров и рисунков. Конечно, сначала внимание привлекли большие и сложные схемы, но Алина, несмотря на сегодняшний успех, еще не была настолько уверена в своих силах, как и в своем постоянстве в отношении нового увлечения. Купить большой и дорогой набор, проковыряться с ним несколько дней, а потом забросить было бы как-то даже стыдно. С другой стороны, то, что предлагала мама, казалось совсем уж элементарным и детским. В конце концов выбор пал на собаку, которая, однако, была значительно больше похожа на живого пса, чем уже вышитый котенок на своего настоящего собрата. К тому же лохматый, похожий на мягкую игрушку йоркширский терьер, украшенный гламурным розовым бантиком, был как будто срисован с Наташиного щенка. Поэтому девочка захотела сделать подруге сюрприз ко дню рождения, который та отмечала через несколько дней. Были, правда, сомнения, что можно и не успеть, но при сегодняшнем темпе уложиться в срок казалось вполне реальным. Набор стоил на удивление недорого, поэтому помимо него Алина присмотрела еще изображение иконы, очень похожей на ту, что была в деревенском доме, но с нормальным, не злым ликом. Этим она еще раз удивила маму; ведь до недавнего времени к религии девочка была столь же равнодушна, как и к вышивке. Впрочем, красивое золотое и серебряное шитье могло заинтересовать и совсем нерелигиозного человека.

Вечером Алина, быстро поужинав, отказалась и от телевизора, и от компьютера, а звонок от Наташи, с которой они могли болтать по телефону часами, вызвал на сей раз только досаду. Так что девочка при первой возможности прервала разговор под надуманным предлогом, чтобы поскорее взяться за вышивку. Сейчас икона почему-то привлекала ее даже больше, однако Наташин день рождения был на носу, так что начать Алина решила с пса. Папа, удивленный не меньше мамы, сказал что-то о благотворном влиянии сельской жизни и хорошего примера, но от дальнейшей иронии удержался. Он тоже решил, что это увлечение – показатель того, что дочь вырастет и станет более женственной. Все-таки вышивка – занятие для девочки куда более подходящее, нежели лазание по старым чердакам.

За вечер работа очень продвинулась, но Алина, отправляясь спать, испытывала досаду. Ей хотелось продолжать и продолжать, а лечь спать не хотелось вовсе. Однако поздний отход ко сну был чреват заторможенным состоянием на следующий день, что, в преддверии контрольной, было крайне нежелательно. Даже засыпая, девочка видела перед собой крестики и быстрое мелькание иголки.

На этот раз она проспала всю ночь и проснулась только по будильнику. Зевая и потягиваясь, Алина свесила ноги с кровати и уставилась на вышивку, которую оставила вчера рядом на тумбочке. Собака осталась на своем месте, ее никто не трогал, а вот набор с иконой мало того что оказался вскрыт, так еще и начат. Судя по количеству вышитого, выходило, что кто-то трудился над ним никак не меньше двух часов.

– Мама, это ты ночью вышивала? – обиженным тоном спросила девочка. Она подумала, что мама, если ей так хочется, могла бы приобрести какой-нибудь набор для себя, а не браться за ее работу.

– С чего ты взяла, Алина? – удивилась мама. – Я и вышивать-то толком не умею. – Она вошла в комнату, посмотрела на вышивку и ахнула: – Это когда же ты успела? Ты что, ночь не спала?

– Я-то как раз спала, – озадаченно проговорила девочка, – но тогда...

Мать и дочь посмотрели друг на друга и рассмеялись. Обе представили себе папу с иглой и пальцами, корпящим над вышивальной схемой. Однако смех быстро иссяк: ведь, если подумать, тут было не до веселья. Раз в доме нет посторонних, значит, Алина вышивала сама, но ничего не запомнила. Бывает, конечно, что иной раз лунатики проделывают во сне самые невероятные вещи, и вышивка – далеко не самая странная из них, но ничего хорошего подобное не сулило.

– В детстве ты никогда не ходила во сне, – озабоченно сказала мама. – Кажется, это может проявиться с возрастом...

– Вроде бы вчера было полнолуние, – вспомнила Алина. – Ведь это в полнолуние бывает?

Решив пока ничего не говорить папе (он стал бы настаивать на немедленном медицинском обследовании), они решили выяснить побольше про сомнамбулизм и в случае чего обратиться к врачу. Мама собралась также встать следующей ночью, чтобы все увидеть своими глазами. В конце концов, ничего страшного пока не произошло.

Новый день прошел, в общем-то, так же, как и предыдущий. Все занятия, кроме вышивки, казались Алине серыми и неинтересными. За пальцами же время пролетало совершенно незаметно. Можно было ожидать, что руки с непривычки будут уставать и даже болеть, однако, к удивлению девочки, ничего подобного не происходило. Как будто она всю жизнь только и делала, что занималась вышивкой дни напролет. В результате щенок был почти закончен, и можно было надеяться, что подарок будет готов в срок.

Ночной план мамы не удался. Будильник она ставить не стала, думая, что проснется сама (обычно у нее это получалось, стоило только перед сном настроиться на время, когда хочешь проснуться), но крепко проспала до самого утра. Вышивка же за ночь успела продвинуться вновь, и Алина, несмотря на то что ничего не помнила, чувствовала себя бодрой и отдохнувшей. Девочка не возражала бы против такого лунатизма, но как-то обидно, когда твоя работа идет вроде бы и без твоего участия. К тому же в таком состоянии можно сделать и что-нибудь вредное, у лунатиков всякое случается. Поэтому она решила, что на следующий вечер обязательно примет меры. Какие именно, девочка еще не знала, но предполагала привязать одну руку: соберешься работать, дернешь ею – и проснешься.

Но и хитрый замысел с привязанной рукой провалился. Когда Алина проснулась, и рука, и ленточка были на месте, однако вышивка продвинулась еще дальше, чем в прошлую ночь. Девочка не знала что и думать и даже жалела, что у нее нет видеокамеры, чтобы зафиксировать

свою ночную работу. Мама же в последние ночи спала так крепко, что пробудиться и посмотреть за дочерью у нее никак не выходило.

Зато вышивка со щенком вполне осознанно была завершена вовремя. Алина успела до Наташиного дня рождения и полагала, что такой дополнительный подарок придется как нельзя кстати. Как и в случае с котенком, девочка не удержалась, сделав такую же узорчатую рамочку. Ей казалось, что так красивее. Странно, но этот узор подходил к любой вышивке. Не случайно прежняя хозяйка деревенского дома использовала такой удивительный орнамент всюду, где только возможно.

* * *

День рождения Наташи удался на славу, несмотря на то что отмечался в будни. Алина, конечно, в этом случае перенесла бы празднование на выходные, но ее подруга предпочитала отмечать праздник день в день, говоря, что потом – это уже совсем не то. В центре внимания был Кенни, забавный йоркширский терьер, в котором именинница души не чаяла и на которого в честь праздника нацепила розовый бантик, почти такой же, как на вышивке. Чувствуя обожание хозяйки и всеобщий интерес, он позволял себе выходки, за которые других собак, как правило, наказывают. Кенни прыгал вокруг каждого из гостей с громким лаем, делая вид, что собирается кусаться, залезал на стол, выпрашивал сладости и к вечеру так наелся, что уже не играл, а с блаженным видом развалился на диване, время от времени напоминая о своем присутствии звонким тьявканьем.

Неудивительно, что Наташа была в восторге от вышитого изображения своего любимца. Алине и самой казалось, что щенок с вышивки получился очень похожим на Наташиного, тогда как на рисунке вышивального набора сходство было значительно меньшим. Сначала она хотела подробно разобрать схему, чтобы понять, не ошиблась ли где-нибудь, случайно усовершенствовав картину, но потом решила не тратить время на это кропотливое занятие, тем более что у нее все вышло даже лучше. Вот если бы она что-то испортила – тогда другое дело, а так – нечего и разбираться.

Все девочки были удивлены новым хобби Алины. Ведь ничего подобного за ней раньше никто не замечал. Да и вообще, такое занятие не слишком-то вязалось с ее живым и достаточно непоседливым характером. Одни были так восхищены ее работой, что поспешили попросить сделать что-нибудь подобное к их собственным праздникам. Другие же, из тех, кто время от времени занимался рукоделием, испытали даже уколы зависти. Ведь у них, несмотря на куда больший стаж этого увлечения, работы выходили значительно хуже и неопрятнее. А тут на тебе: только человек взял в руки иголку – и такой успех!

Однако на следующий день праздник обернулся бедой. Алину разбудил телефонный звонок от Наташи, которая сквозь рыдания сообщила, что щенок погиб. Вчерашняя именинница находилась в таком состоянии, что понять какие-то подробности из ее сумбурной речи, прерываемой всхлипываниями, было невозможно. Алина уловила только, что никаких причин для трагедии вроде бы не было и все случилось внезапно.

Наташа в школу, разумеется, не пришла, но среди одноклассников только и было разговоров, что об этом происшествии. Все сочувствовали девочке и терялись в догадках. Конечно, песик мог отравиться накануне, когда, поощряемый хозяйкой, хватал с праздничного стола все что попало, но это никак не должно было привести к столь тяжким последствиям.

– Не зря говорят, что не нужно делать портреты детей и больных, – вдруг совершенно неожиданно задумчиво произнесла Катя. Эта тихая и довольно странная девочка очень интересовалась всякой мистикой, астрологией, гаданиями и прочими подобными вещами, причем не просто интересовалась, а свято в них верила, даже если различные эзотерические теории противоречили друг другу, а предсказания не сбывались.

– Что ты этим хочешь сказать? – насторожилась Алина, всегда сторонившаяся этой одно-классницы и считавшая, что та немного не в своем уме.

– Портрет может высосать у слабого человека... или животного всю жизненную энергию, – пояснила Катя таким мрачным голосом, от которого всем стало не по себе. Наверное, примерно так могла изрекать свои пророчества какая-нибудь Сивилла или Пифия. – Особенно если у художника дурной глаз. Многие примитивные племена ни за что не позволят себя рисовать или фотографировать.

– На то они и примитивные! – сердито отрезала Алина. – И вообще, никакого портрета я не делала, а вышивала похожего щенка по схеме.

Все только посмеялись над очередным Катиным чудачеством, и уж конечно никто не воспринял ее слова всерьез, но Алину они очень задели. Она вдруг вспомнила, что старую хозяйку их деревенского дома тоже считали обладательницей дурного глаза, припомнила вышитые портреты и подумала: ведь могло быть так, что с кем-то из людей, изображенных на ее вышивках, что-то случилось, а ее из-за этого посчитали чуть ли не ведьмой. Это хорошо, что она живет в городе и чудачек вроде Кати, верящих во всякую ерунду, здесь совсем не много. А в деревне несколько десятков лет назад, когда жили всякие предрассудки... От случившегося несчастья ее мысли постепенно перетекли к вышивке и деревенскому дому. Она вдруг поняла, что с нетерпением ждет поездки туда, чтобы как следует все рассмотреть.

Глава 4

Два букета

На этот раз, приехав на выходные в деревню, Алина неожиданно ощутила, что чувствует себя здесь как дома. В недоотремонтированном доме, где и своих вещей-то было еще всего ничего и где она побывала всего несколько раз, девочке вдруг стало уютнее, чем в городской квартире, где прожила с рождения. Дом показался ей знакомым и родным, как будто она обитала здесь много лет и знает каждый уголок, каждую дощечку. Алине подумалось, что провести здесь один из летних месяцев – вовсе не такая плохая идея, как ей представлялось вначале. И даже вынужденное одиночество, отсутствие друзей и знакомых ее теперь ничуть не смущало.

Остановившись перед странной иконой и еще раз внимательно ее осмотрев, Алина мысленно сравнила ее с той ночной вышивкой и отметила, что у нее получается ничуть не хуже. Она решила, что теперь будет работать над этой схемой днем, чтобы все делать вполне осознанно.

Даже не переодевшись и не передохнув с дороги, девочка поднялась на чердак и открыла заветный сундук. Машинально отметив, каким странным, непохожим выглядит ее отражение в зеркале на крышке, она взяла вышитые портреты и спустилась с ними вниз, чтобы еще раз как следует ими полюбоваться. Перебирая их, Алина с некоторой грустью подумала, что до такого мастерства ей еще расти и расти. Если, конечно, она вообще сможет когда-нибудь его достичь. Ну что ж: значит, ей есть куда стремиться.

Девочка только сейчас обратила внимание на то, что одна из работ осталась незавершенной. Вернее, сам портрет был вполне закончен и выглядел ничуть не менее реалистично, чем остальные, а вот узор рамки вышивальщица, очевидно, довести до конца не успела. Алине вдруг очень захотелось закончить работу, но она тут же себя одернула. Это, особенно при ее неопытности, казалось непростительной дерзостью. Все равно как если бы ученик художественной школы задумал дорисовать неоконченную картину великого живописца или начинающий литератор – дописать роман гениального писателя. Так что эту мысль пришлось с сожалением отвергнуть.

Чем больше Алина вглядывалась в вышивку, на которой была изображена совсем еще юная девушка, тем больше убеждалась в том, что это лицо кажется ей знакомым. Хотя такого никак не могло быть; ведь портрет создавался несколько десятилетий назад. Но девочка никак не могла отделаться от этого чувства. Быть может, изображенная на портрете потом стала какой-нибудь знаменитостью, актрисой например? Но Алина не могла припомнить никого, похожего на нее. А когда она спросила об этом у родителей, те тоже не только не узнали изображения, но даже и не уловили сходства с кем-либо из известных им людей. Тем не менее черты девушки долго не выходили у Алины из головы, и она продолжала безуспешно перебирать в памяти сколько-нибудь знакомые лица.

Возможно, именно из-за этих мыслей девочка провела беспокойную ночь. Лица с вышитых портретов возникали перед ней в каком-то бесконечном хороводе. Они шевелили губами, словно сияясь ей что-то сказать, но Алина, сколько ни напрягала слух во сне, различала лишь какой-то невнятный шепот, напоминавший скорее шелест листвы. И только имя «Акулина» отчетливо звучало у нее в ушах даже в момент пробуждения.

Алина уже настолько привыкла, что по ночам вышивка непонятным для нее самой образом продвигается, что испытала некоторое удивление и даже разочарование, когда в деревенском доме ничего подобного не произошло. Маму же это, напротив, очень обрадовало. Она выдвинула сразу две версии. По одной из них, винить следовало луну, которая теперь пошла на спад, а по другой – усталость и переутомление от школьных занятий, с которыми справился здоровый деревенский воздух. Девочка же, не удовлетворившись до конца ни одним из этих

объяснений, не смогла, однако, придумать ничего другого. Когда она села за вышивку, работа продвигалась совсем не так быстро, как, по ее расчетам, шла ночью. Получалось очень даже неплохо, но все-таки не настолько здорово, как в состоянии сомнамбулизма. Наверное, для идеальной работы следовало по-настоящему от всего отрешиться, чего днем никогда не получалось даже в таком тихом месте.

Днем мама, посчитав, что дочь слишком переутомляется, настояла на том, чтобы та наконец оторвалась от вышивки и вышла из дома подышать свежим воздухом. Алина не стала спорить, тем более что глаза у нее действительно немного устали, в то время как руки, казалось, были готовы к бесконечной работе без всяких признаков утомления.

Девочка вышла на крыльцо и подумала, что гулять здесь, как ни странно, в общем-то, и негде. Конечно, кругом природа, но в лес сейчас не пойдешь, там еще грязи полно и даже снег не весь сошел. Туда без резиновых сапог и не сунешься, да и то придешь перепачканной по уши. Слоняться по маленькому и запущенному садику тоже удовольствие сомнительное. А на деревенской улице смотреть нечего. Вот разве что прогуляться до магазина или станции?

Решив, чтобы уж не зря ходить, купить что-нибудь вкусенькое, Алина отправилась в магазин. Мысли ее постоянно возвращались к неоконченной вышивке, и девочка почти не замечала ничего вокруг, поэтому вздрогнула и даже слегка испугалась, едва не столкнувшись с кем-то очень высоким.

– Привет! – радостно улыбнулся Пашка и отчего-то покраснел. – Значит, приехала?

– Привет! – отозвалась Алина. – Я теперь почти каждые выходные приезжаю. – Она чуть не употребила вместо «выходные» модное заимствование «уик-энд», но подумала, что простоватый парнишка может ее и не понять.

– Здорово! – Пашка расплылся в глуповатой улыбке и покраснел еще гуще. – А я вот в лесу был и вот... цветы нашел.

Он вынул из-за спины левую руку и протянул девочке букет ландышей.

– Красивые! – Алина взяла букетик и вдохнула пьянящий весенний аромат.

– Я вот решил, что тебе понравятся. – Пашка заулыбался так широко, что, казалось, еще чуть-чуть – и улыбка пересечет его узкое лицо до конца, не оставив места щекам и скулам.

– Спасибо, мне понравились. – Алине от такого бесхитростного поднесенного подарка стало очень хорошо на душе. – Ты что, специально ради этого в лес ходил?

– Ну, я пошел прогуляться, – Пашка покраснел еще больше и стал внимательно разглядывать носки своих не слишком чистых сапог, словно обращался к ним. – И вот, думаю, ты вчера приехала, а тут цветы... И вот решил, что тебе понравится, – повторил он.

– Я и сама думала в лес пойти, только там, наверное, грязно, – сказала Алина.

– Грязно, – подтвердил Пашка. – Но цветы красивые. Вот я и подумал...

– А где вы здесь еще гуляете, кроме леса? – Алина решила прервать очередное заявление о том, что цветы ей нравятся.

– Ну, если в город не ехать или в соседнее село, в дом культуры, то, кроме леса, ничего и нет, – Пашка яростно почесал затылок, словно пытаясь выудить из него какие-то новые мысли. – Да вот церковь у нас старинная, и кладбище рядом с ней. Хочешь посмотреть? – Он с надеждой посмотрел на девочку.

– Спасибо, на кладбище я не спешу, – ответила Алина, внутренне дивясь его неуклюжести в общении.

– Вот я и думаю, что нечего мертвецов зря тревожить, – согласился Пашка. – Успеем еще на кладбище, в свое время.

– Знаешь что, – настроение у девочки после такой двусмысленной фразы вдруг испортилось, и ей захотелось сказать что-нибудь резкое, – ведь эти цветы рвать не положено, это браконьерство.

– Чего? – Пашка вытарашил глаза. По-видимому, о запрете на сбор ландышей он слышал впервые.

– Полиция нас за них оштрафует, ваш участковый, – пояснила Алина.

– Он что, дурак? – искренне удивился Пашка, который иначе как глупостью не мог объяснить столь неуклонное следование букве закона. – Нет, это, может, у вас в Москве менты такие, а наш Васильич мужик нормальный.

– Знаешь, забери их лучше назад, – Алина протянула Пашке букет. Ей почему-то стало обидно за родной город. – А то поеду домой, а там меня и обвинят в браконьерстве.

– Да нет же, это тебе! – объяснил ей Пашка, словно втолковывал что-то пятилетнему несмышленишу. – А если боишься, ты их здесь, в доме оставь, вот... А я в другой раз каких-нибудь других цветов нарву.

– Паша! – раздался откуда-то женский голос. – Ты где пропадаешь? Обед на столе!

– Уже иду, мам! – крикнул он в ответ. – Ну, значит, до завтра! – обратился Пашка уже к Алине и, не дожидаясь ответа, побежал по деревенской улице. Легко перепрыгнув через забор, едва дошедший ему до груди, он даже успел обернуться и, махнув рукой, скрылся в одном из дворов.

Девочка, собиравшаяся ответить, что завтра она не собирается с ним встречаться, осталась посреди улицы с букетиком ландышей и слегка глуповатой, не лучше, чем у Пашки, улыбкой. Постояв так с полминуты, Алина решила не идти с букетом в магазин, а вернуться домой, чтобы поставить его в какую-нибудь импровизированную вазочку (настоящей в деревенском домике еще не было).

Вечером девочка время от времени отрывала взгляд от вышивания, чтобы полюбоваться цветами, поставленными, за неимением более подходящей посуды, в пустую стеклянную банку из-под помидоров, с которой едва удалось отскрести этикетку, выглядевшую в сочетании с ландышами совсем уж неэстетично. Родителям, дабы избежать расспросов и возможных папиных насмешек, она сказала, будто сама нарвала цветы на окраине леса. Папа, правда, не преминул вспомнить про браконьерство, совсем как она сама днем, а мама удивилась, как это ей удалось там пройти и почти не запачкаться, но эта тема быстро была исчерпана.

* * *

Ночь на воскресенье снова протекала в непонятных сновидениях, где лица с вышитых портретов обращались к какой-то Акулине, причем сопровождалось это чем-то вроде колокольного звона. Проснувшись, девочка подумала, что уж лучше бродить во сне, чем видеть такую чушь. Открыв глаза и сев на постели, она почувствовала, как босые ноги ступили во что-то мокрое, и с досадой обнаружила, что банка – импровизированная вазочка – лежит на полу, расколотая на несколько частей, а рядом с ней – растоптанные ландыши. Алине еще повезло, что она не наступила на осколки. Значит, это шум от падения банки трансформировался ее сонным мозгом в колокольный звон.

Настроение мгновенно испортилось, хотя Алина пыталась убедить себя, что это просто цветы, которые она еще вчера собиралась вернуть дарителю, и ненужная банка. Спросонья она подумала, что, ворочаясь во сне, случайно опрокинула близко стоящий букет, но, приглядев-шись, поняла, что по цветам кто-то не просто прошелся, а даже потоптался на них. Девочка собралась было убрать мусор, в который превратилась недавняя красота, как вдруг заметила едва видимые, уже высыхающие отпечатки босых ног. Размер не давал повода усомниться в том, что их оставила она сама. Значит, ночные хождения продолжаются? Алина машинально бросила взгляд на вышивку: та осталась на вчерашнем уровне. Но чем же тогда она занимается ночью?

Решив, что уборка подождет, а следы вот-вот исчезнут, Алина пошла по ним, словно охотник, выслеживающий дичь. Следы вели на чердак. На этот раз девочка поднималась туда не без трепета, как будто опасаясь увидеть там нечто пугающее. Однако насколько можно было судить в слабом утреннем свете, пробивающемся сквозь маленькое окошко, на чердаке все было в порядке. Вернее, не совсем в порядке: ведь там по-прежнему царило запустение. Если даже сейчас здесь трудно было что-либо разглядеть, то ночью тут и вовсе висел непроглядный мрак. Алина на секунду задумалась, нужен ли свет сомнамбулам, и решила, что все-таки нужен. А если так, то она могла зажечь тут свечку. А если делать это не контролируя себя, то недалеко и до пожара...

Вздвигнув от этой неутешительной мысли, девочка продолжила расследовать свои ночные перемещения. Здесь это было делать легче: следы четко просматривались на пыльном полу. Как она и предполагала, они вели к сундуку. Судя по вытоптанному рядом пятнышку, ночью она топталась здесь довольно долго. Алина сняла крестик-ключ, вставила его в замочную скважину, но некоторое время не решалась его повернуть. Ей отчего-то казалось, что под крышкой она увидит что-то неприятное или даже страшное, чего здесь быть никак не должно. Наконец, обругав себя за глупые страхи, девочка открыла замок, и крышка откинулась.

В первое мгновение она отпрянула назад и даже тихонько вскрикнула. Но тут же поняла, что испугалась собственного отражения в тусклой паутине зеркала, показавшегося ей каким-то недобрым. «Хорошо же я выгляжу спросонья!» – произнесла она вслух насмешливым тоном, чтобы немного себя подбодрить, и склонилась над сундуком. Там, по крайней мере на первый взгляд, все лежало на своих местах. Но что-то же она здесь делала этой ночью! Может, что-то искала?

Алина уже хотела начать перебирать вещи, находящиеся в сундуке, но ее отвлекла мама, крайне недовольная тем, что дочь не только не убрала за собой, но и зачем-то отправилась на чердак в одной ночной рубашке, несмотря на прохладное утро. Только тут девочка поняла, что действительно замерзла, и, подумав о том, что ночные хождения в таком виде могут довести до простуды, побежала переодеваться, вытирать лужу и подбирать осколки. Про очередное проявление лунатизма же она пока решила не говорить. Очень уж не хотелось волновать родителей. Да и визит к невропатологу, который, скорее всего, ожидал бы ее после этого, Алину не прельщал.

После завтрака девочка некоторое время колебалась между вышивкой и прогулкой и сделала выбор в пользу второй, убедив себя, что нужно немного проветриться после пребывания на пыльном чердаке. Она с сожалением вынесла ландыши, реанимировать которые было уже невозможно, и чуть не столкнулась с Пашкой, с мрачным видом шагавшим по улице. С его угрюмой физиономией резко контрастировал небольшой букет из цветов довольно веселенькой расцветки, названия которых Алина не знала.

– Привет! – он резко остановился, по инерции слегка качнувшись вперед. В том, что мальчик рад встрече, сомнений не оставалось, однако ясно было и то, что его что-то печалит и даже гнетет.

– Привет! – отозвалась Алина. Она сначала хотела осведомиться о причине его мрачности, но вместо этого вдруг похвалила цветы: – Красивый букет! Даже симпатичнее вчерашнего.

– Красивый... – вздохнул Пашка, даже не глядя на предмет разговора. Потом опять вздохнул и добавил: – Только это не тебе... Вот...

– Понятно! – Алина, готовая уже протянуть руку и благосклонно принять подношение, сделалась пунцовой. Она почувствовала себя так, словно ее ударили или окатили холодной водой. – Ну что ж, Павел...

– Я тебе потом другой нарву, вот, – торопливо принялся объяснять Пашка, испугавшийся, что девочка сейчас уйдет. – А этот...

– Так ты здесь всем цветы даришь? – саркастически осведомилась Алина. Сначала она действительно хотела уйти, но потом решила немного помучить разочаровавшего ее собеседника.

– Эти цветы для Егоровны... – тихо произнес Пашка, глядя в землю.

– Для кого?! – удивленно переспросила девочка, ожидавшая чего угодно, но только не этого.

– Для Егоровны, – грустно повторил Пашка. – Она ночью померла, вот... Ну я и подумал, надо цветочков принести. Соседи все-таки... Вот...

– Понятно... – протянула Алина, не зная, как реагировать на это печальное сообщение. Она вдруг подумала, что в случае смерти кого-нибудь из городских соседок едва ли озаботилась бы чем-то подобным. – Эта та старушка, которая меня на той неделе почему-то испугалась?

– Она, – кивнул Пашка. – У нее в последнее время совсем с головой плохо стало. Всю неделю твердила, что смерть ее идет... Вот... Вышло, что и вправду... – он шмыгнул носом. Похоже, кончину пожилой женщины мальчик принял очень близко к сердцу.

– Ну ладно, иди туда. Не буду тебя задерживать, – грустно произнесла девочка.

Пашка ничего не ответил, только кивнул и быстро зашагал по деревенской улице. Алина же, настроение которой оказалось безнадежно испорченным, вернулась в дом и села за вышивку. Ее мысли периодически возвращались к испуганной старушке, лицо которой всего за одну короткую встречу прочно врезалось ей в память. Девочка думала о том, не стала ли она косвенной причиной, ускорившей ее смерть. Сильный испуг в таком возрасте плюс какие-то фантазии, возникающие в нездоровой психике... Алина старалась отгонять от себя эти мысли, но они, как назойливые мухи, возвращались к ней весь день, даже тогда, когда вся семья уже ехала в Москву...

Глава 5

Алина или Акулина?

Потянулась обычная школьная неделя, состоящая из уроков, домашних заданий и встреч с подругами. Такое привычное течение событий на сей раз отчего-то угнетало Алину. Ей очень хотелось поскорее вырваться в деревенский дом. В городской квартире же ей было тесно и душно. Единственное, что по-настоящему радовало девочку, была вышивка, которой она и посвящала практически все свободное время.

Работа над вышивкой продвигалась и ночью, причем Алина уже перестала придавать этому большое значение, смирившись с такими странностями. Может, она бы и занялась своим лунатизмом, если бы делала что-то предосудительное. Но ведь речь шла всего лишь о вышивке. К тому же ночная ее часть получалась настолько здорово, что отказаться от приписывания себе такой прекрасной работы просто не было сил. Маму же она успокоила, соврав, что это больше не повторяется.

Между тем неожиданно раскрывшийся талант Алины обрел своих поклонников, а вернее, поклонниц. Наташа, тяжело переживавшая гибель щенка, сквозь слезы благодарила ее за то, что у нее остался такой прекрасный портрет домашнего любимца. Другие же девочки буквально встали в очередь, требуя, чтобы Алина вышила что-нибудь и для них. Исключения составляли Люда, считавшая, что вышивка – это слишком просто и старомодно, и Катя, упорно приплетавшая всякую мистику. Особенно ей не нравился странный узор, становившийся постепенно Алининым фирменным знаком: она утверждала, что в нем, как и в ключе-крестике, есть что-то колдовское и злое, однако никаких аргументов в пользу своего утверждения не приводила. Некоторые девочки и сами пытались заняться вышивкой, но результаты, особенно на фоне успехов Алины, оказались столь жалкими, что их неловко было продемонстрировать кому-либо, кроме домашних.

Юная вышивальщица втайне мечтала о портретной галерее, вроде той, что обнаружила в деревенском доме, но пока не была уверена в собственных силах и отложила реализацию дерзкого замысла на более поздний срок. Пока же она с удовольствием задумала небольшие подарочные работы, с каждой из которых рассчитывала справиться за пару дней.

Первой ее новой вышивкой стал букет в вазе. Юля, еще одна одноклассница, у которой приближался день рождения, увлекалась цветоводством и выбрала эту тему сама. Сначала Алина не была в восторге от нового рисунка, но быстро увлеклась и успела всего за два дня. Но в рамках схемы девочке уже было тесно, и она внесла свои изменения. Цветы на ее вышивке стали живее и естественнее, а вазу украсил знакомый узор.

Юля была в восторге и упростила Алину отдать подарок еще до праздника. Однако уже через несколько дней она выглядела встревоженной. В ее домашней оранжерее, как она громко именовала множество цветочных горшков, вдруг завелись какие-то вредители, наносящие растениям огромный вред. Пришлось прибегнуть к помощи сильных химикатов, которые она до сей поры не использовала, и теперь с трепетом ожидала результатов. Катя, разумеется, оказалась тут как тут и понесла какую-то чушь про плохую ауру и даже проклятие. Всерьез ее слова никто не воспринял, но Алина призадумалась. Сначала щенок, теперь вот цветы. Совпадения, конечно, но довольно неприятные. Хорошо, что другие девочки не относятся к этому так, как их суеверная одноклассница. Она подумала, что в старые времена недолго было бы прослыть колдуньей. Ведь называли же так прежнюю хозяйку дома, причем жила та относительно недавно. Алина дала себе слово на выходных поподробнее расспросить Пашку о доме и его прежней хозяйке. Конечно, он почти ее ровесник, но наверняка что-то слышал от взрослых.

Родители, как оказалось, не забыли о найденных в сундуке портретах. Еще в прошлый приезд папа их тщательно измерил, а в понедельник они с мамой заказали в багетной мастер-

ской рамки в подходящем, как им казалось, стиле. К концу недели заказ был готов, так что в выходные предстояло вставить в них работы и развешать по стенам деревенского домика. Как ни странно, Алина не испытывала большого энтузиазма. Отчего-то ей не хотелось, чтобы портреты покидали сундук. Смешно, конечно, было хранить там такую красоту, словно какой-нибудь старый скряга свои сокровища. Но девочка помнила неприятные сны, посещавшие ее в этом доме, и не очень-то стремилась созерцать эти лица постоянно.

Приехав в деревню в пятницу вечером, Алина пошла к дому первой, в то время как родители доставали из машины привезенные вещи. На крыльце она едва не наступила на цветы, лежащие у самой двери. Они были совершенно свежие, сорванные или же стоявшие в воде совсем недавно. В том, кто их принес, никакого сомнения не было. Похоже, Пашка, подготовившись заранее и не став дожидаться субботы, заметил или услышал их автомобиль, положил букет на крыльцо и был таков.

– У кого-то из вас здесь появился поклонник! – засмеялся папа, подошедший с вещами, среди которых были и заготовленные рамки. – Вот только у тебя или у матери?

– Здесь еще сохранились романтики! – отозвалась мама. – Не то что в городе.

Алина же предпочла ничего не отвечать. На этот раз она решила поставить букет подальше от своей кровати, чтобы он ненароком не повторил судьбу предшественника.

Надоевший сон вновь повторился. Девочке казалось, что лица в этот раз приблизились к ней, а призывы к какой-то Акулине сопровождались собачьим лаем. В последнем не было ничего удивительного: собак в деревне хватало, и лай вполне мог быть слышен и наяву.

Проснувшись, Алина первым делом задалась вопросом, ходила ли она во сне. Никаких следов этого на первый взгляд заметно не было, но, чтобы все проверить, следовало подняться на чердак. Чтобы не повторять прошлых ошибок, девочка наскоро оделась – и вдруг застыла на месте. Букет исчез. Причем, в отличие от прошлого раза, банка с водой аккуратно стояла на своем месте. Алина даже протерла глаза, чтобы убедиться, что это никакой не оптический обман, но цветы от этого, разумеется, не появились. Представить себе, чтобы кто-то из родителей пошел на столь нелепый розыгрыш, она не могла.

Так и не придумав никакого рационального объяснения пропаже, девочка бесшумно поднялась на чердак. Было еще очень рано, и утро стояло пасмурное, поэтому она долго не могла понять, появились ли на полу свежие следы. Тем более что в прошлый раз мама, которой надоела пыль, заставила ее протереть там пол. Так и не придя ни к какому выводу, Алина по привычке подошла к сундуку и, сама не зная почему, открыла его, заранее приказав себе не пугаться отражения, какое бы оно ни было. Привычно отпрянув от крышки и заглянув внутрь, девочка обнаружила лежащий сверху букет.

Некоторое время Алина провела в оцепенении. Это уже переходило всякие границы! Если ночные чудачества будут продолжаться, то бог знает, до чего они могут довести. Немного придя в себя, девочка поспешила забрать букет, еще не успевший завянуть, хлопнула крышку и быстро покинула чердак. Она даже не могла представить реакцию родителей, если бы они обнаружили в сундуке столь странную находку. Тогда уж посещение врача точно было бы неизбежным. Хотя после такого случая Алина и сама понимала, что оно, похоже, становится необходимым.

После завтрака и девочка, и родители с энтузиазмом взялись за портреты. Собственно, в рамки их аккуратно вставлял папа, а мамина и Алинина помощь требовалась только на подсобных работах, когда нужно было что-нибудь подать или подержать. Зато они живо обсуждали, куда следует повесить каждый конкретный вышитый портрет. Папа шутил, что галерея будет не хуже, чем в старинном замке; жаль только, что изображенные не их предки.

Когда работа уже подходила к концу, Алина вспомнила о портрете, рамка которого была вышита не до конца, и уже собралась было сказать об этом родителям, чтобы посоветоваться, стоит ли вешать незаконченную вышивку, как вдруг, к своему глубокому удивлению, увидела,

что рамка вышита и здесь. Мама с папой, разумеется, не обратили на это внимания, но девочка точно помнила, на каком месте вышивка оказалась незавершенной. Внимательно осмотрев изнанку, она не обнаружила в новой части никаких отличий по сравнению с предыдущими. Но если ей ничего не померещилось, вышивку могла закончить только она сама!

И тут Алина поняла, что она делала ночью у сундука и почему в деревенском доме не продвигалась другая ночная работа. Выходит, это она вышивала ночами незаконченный портрет! Можно было признать, работа оказалась сделана на славу – не отличишь. Но, глядя на нее, девочка испытывала какое-то беспокойство и никак не могла отделаться от этого ощущения. Ей даже не хотелось вешать на стену этот портрет, но мама уже присмотрела для него место, причем получилось так, что оно оказалось близко к Алининой кровати.

Стараясь не демонстрировать своего расстройства, Алина вернулась к сундуку и стала перебирать оставшуюся канву, нити и иголки, из тех, что не забрала с собой в город. Она вспомнила, что в сундуке хранился еще один недовышитый узор, который она нашла в пяльцах и вытащила оттуда, но, как ни старалась, найти его не смогла. Неужели она все же увезла его в Москву? Или что-то с ним сделала и сама не запомнила что? Конечно, в отличие от законченных работ, эта, едва начатая, совсем не казалась большой потерей, но сам факт ее пропажи был очень неприятен. Может, она и с ней что-то сделала и сама не помнит что?

Возня с домашней галереей продолжалась до обеда, так что выйти на прогулку Алине удалось лишь во второй половине дня. Она почему-то ожидала, что Пашка околачивается где-то неподалеку, и была очень разочарована, когда обнаружилось, что это не так. Конечно, девочка понимала, что у мальчишки могли быть и другие дела, тем более что ни о какой встрече они не договаривались, но Алина уже так привыкла, что он всегда где-то рядом, что восприняла его отсутствие, особенно в тот момент, когда она собиралась наконец расспросить его о старой хозяйке дома, едва ли не как предательство.

Совершив свой привычный моцион до магазина, на сей раз без всяких приятных или неприятных встреч, и купив к чаю кекс, выглядевший на прилавке довольно аппетитно, но на ощупь оказавшийся чуть помягче булжника, Алина уже собиралась направиться домой, как вдруг ее взгляд упал на колокольню, стоящую на другом конце деревни. Идти домой не слишком хотелось, даже ради вышивки, и девочка решила совершить небольшую экскурсию. Конечно, сельский храм выглядел так, словно не ремонтировался с момента основания, но Пашка, помнится, говорил, что он старинный. Так почему бы не посмотреть?

Вблизи церковь казалась еще более обветшалой, несмотря на то что ее явно пытались поддерживать в приличном состоянии. Алина не могла не отметить, что, если бы храм как следует отреставрировать, он сделался бы действительно красивым, дав фору многим столичным. За церковь располагался сельский погост, но посетить его девочка отнюдь не стремилась.

Алина несмело зашла в храм. Несмотря на то что она не была верующей, а скорее просто не задумывалась о религии, в церковь она всегда заходила с робостью и некоторым трепетом. Возможно, потому, что ощущала себя здесь чужой и подсознательно понимала, что любопытствующим, по большому счету, не место там, где для верующих находится святыня.

Внутри, как показалось, никого не было, и Алина, осмелев, неторопливо пошла вдоль стен с потемневшими от времени образами. Они, конечно, вызывали уважение своей древностью, но на светского человека, не слишком-то разбиравшегося в их назначении, большого впечатления не производили. И вдруг девочка замерла на месте. Прямо перед собой она увидела точно такую же икону, которая висела у них в доме и над вышивкой которой она сейчас работала. Присмотревшись, Алина поняла, что сходство здесь все же не полное и благостное выражение изображенной здесь святой или великомученицы не идет ни в какое сравнение с почти карикатурным образом, за которым она обнаружила крестик-ключ. Девочка попыталась разглядеть надпись на старославянском, что было делом непростым, особенно в полумраке, когда ее отвлек звук шаркающих шагов за спиной.

– Что, девочка, хочешь свечку своей святой поставить? – раздался шамкающий старческий голос. К Алине шла сгорбленная бабушка.

– Я просто зашла... – смутилась Алина, как будто ее застали за чем-то предосудительным. Она вдруг вспомнила, что в церкви вроде бы положено находиться в платочке, и засомневалась, сойдет ли за него шапочка довольно кокетливого вида. Впрочем, старушка, возможно слепа, не обращала внимания на такие вещи.

– Как тебя звать-то? – ласково поинтересовалась она.

– Алина.

– Акулина, значит, – понимающе кивнула бабушка. – Тогда ты правильно стоишь, нашла свою икону. Давно у нас Акулин-то не было.

– Знаете, я, пожалуй, пойду, – скороговоркой произнесла девочка, почувствовавшая себя очень неловко. Ей стало неприятно оттого, что ее назвали именем из сна. Но вдаваться в дискуссию о собственном имени со старушкой, которая, похоже, была еще и туга на ухо, она не собиралась. Девочка быстро пошла к выходу, чувствуя на спине чужой взгляд.

Выйдя наружу, Алина вздохнула с облегчением. В храме ей почему-то было очень холодно и одновременно душно. Она остановилась и принялась рассматривать небольшое сельское кладбище вдалеке, отличающееся от огромных московских некрополей, как старый деревенский домик от новостройки. Памятников на нем было немного; преобладали кресты, по большей части деревянные. Бросился в глаза свежий могильный холмик с еловым лапником и немногочисленными цветами. При виде его девочка невольно вздрогнула, вспомнив испуганную старушку у магазина, которая тогда отнюдь не казалась больной и слабой.

Теперь это место одновременно притягивало и отталкивало Алину. В ней смешивались любопытство и естественный трепет, охватывающий каждого человека при соприкосновении с великой тайной жизни и смерти. Девочку отчего-то тянуло пройти по кладбищу, хотя раньше она всегда старалась избегать посещения этих скорбных мест, но что-то удерживало ее от этого шага. Наконец всё решили чисто практические соображения. По весне сельский погост не отличался чистотой, и месить грязь неизвестно для чего казалось довольно глупым занятием. Поэтому Алина медленно побрела в сторону дома, поминутно оглядываясь назад. Ее не покидало ощущение, будто она совершила какую-то ошибку, забыла сделать что-то очень важное.

Уже на полпути она поняла, что больше не в силах противиться желанию повернуть назад, и, разозлившись на себя, быстро зашагала в обратную сторону. Девочка ругала себя и за то, что вообще пошла к этой церкви и погосту, и за странное желание вернуться, и за слабование, из-за которого этому порыву поддалась. Отдельно под горячую руку досталось и Пашке, рассказавшему ей об этих «местных достопримечательностях».

Подойдя к условной границе сельского кладбища (никакой стены вокруг него не было), Алина остановилась, словно упершись в невидимое препятствие. Ее как будто тянули в разные стороны две непонятные силы, одна из которых требовала остановиться, а другая настойчиво звала вперед. Девочка на миг прикрыла глаза, и вдруг кладбище показалось ей какой-то огромной вышивкой, а кресты – вышивальными крестиками. В ее воображении они начали складываться в смутно знакомое лицо, которое, однако, выглядело пока незаконченным, из-за чего нельзя было понять, чей это образ. От этого странного видения у Алины закружилась голова, она попыталась ухватиться за ближайший к дороге крест, но не дотянулась до него и почувствовала, что теряет сознание.

Девочке казалось, что она падала очень долго и медленно, как спортсмен при сильно замедленном повторе. А уже у самой земли случился стоп-кадр, и падение прекратилось. Алине почудилось, будто она зависла в воздухе, поддерживаемая какой-то загадочной силой.

– Эй! Ты чего? Что случилось? – раздался как будто откуда-то издали знакомый голос.

Затем последовала небольшая встряска, и только тут Алина поняла, что от падения ее удерживает не неведомое природное явление, а Пашка, очень вовремя оказавшийся рядом.

Моментально собравшись с силами, девочка решительно поднялась на ноги. Голова снова закружилась, и она с трудом удержалась от повторного падения.

– Стоять-то можешь? – озабоченно спросил Пашка.

– Все в порядке! – Алина резко сбросила его руки, слегка покачнувшись, но устояла.

– А то я гляжу, ты как пьяная или больная... – рассуждал Пашка. По положению его рук было видно, что он готов в любой момент снова подхватить девочку, если ей опять вздумается падать.

– Со мной все в порядке! – повторила Алина с некоторым раздражением. Ей было неприятно, что Пашка видел ее в момент слабости, да еще вынужден был помочь. К тому же его сравнение неприятно ее задело.

– Это, наверное, тебе витаминов не хватает, – продолжал рассуждать Пашка, не уловивший ее настроения и искренне желавший помочь. – Ты попей отвар из почек. Или, еще лучше, из сосновых иголок. Если хочешь, я тебе принесу, ты только кипятком залей и дай настояться.

– А кору мне пожевать не надо? – ехидно поинтересовалась Алина. – Как зайцы.

– Кору? – удивился Пашка, не понявший иронии. – Про кору не знаю. А вот отвар из свежих почек и иголок – это вещь! Егоровна, кстати, его всегда варила...

– И, как видишь, померла. Не помог отвар! – едва у нее вылетели эти слова, Алина прикусила язык и покраснела. Рядом с кладбищем это прозвучало не просто некрасиво, а почти кошунственно.

– Она не от этого померла... Царство ей небесное! – буркнул Пашка, перекрестился и, наконец убедившись, что помощь девочке больше не потребуется, убрал руки за спину.

– Спасибо, конечно, но я лучше витамины попью, – произнесла Алина уже нормальным тоном. Ей хотелось загладить неловкость.

– Там же сплошная химия! – воскликнул Пашка. – А тут все природное... Ну смотри, как знаешь.

– А что, этот отвар вкусный? – поинтересовалась девочка.

– Бодрит! – ответил Пашка, обходя вопрос о вкусе, и Алине вдруг отчего-то очень захотелось попробовать это чудодейственное средство.

– Знаешь что, а давай чаю попьем! – неожиданно для себя самой предложила она.

– Давай! – обрадовался Пашка. – Чаю – это хорошо... это можно... – Он выглядел слегка смущенным.

– Тогда идем к нам! – пригласила Алина. Она подумала, что родители будут несколько удивлены приходом нежданного гостя, но не отменять же теперь приглашение! – Я как раз кекс купила...

– Кекс – это хорошо, это вкусно... Вот... – протянул Пашка. – А я подумал, тебя все равно надо домой проводить. А то, не дай бог, опять грохнешься...

– Со мной все в порядке! Говорю в третий раз! – Алина изо всех сил старалась не рассердиться. – И не вздумай проговориться моим родителям!

– Нет, что ты! Я буду молчать! – поспешил заверить Пашка, и девочка подумала, что, скорее всего, он от смущения действительно рта не раскроет, если, конечно, его очень сильно не попросить об этом.

– А чего ты вообще сюда пошла? – поинтересовался он, прерывая затянувшуюся паузу. – Посмотреть церковь хотела?

– Да так, сама не знаю, делать нечего было. – Алина действительно не знала ответа на этот вопрос.

– Хочешь, я тебе все тут покажу?!

– Давай в другой раз. А то потом чай поздно пить будет, – ответила девочка, которая ни за что не хотела опять заходить в церковь и уж тем более посещать сельское кладбище.

– Пойдем! – согласился Пашка, и Алине показалось, что ему тоже здесь не слишком-то уютно.

Девочка опасалась, что ее опять будет тянуть назад, но на этот раз ничего необычного на пути к дому она не ощутила. Всю дорогу она обдумывала произошедшее с ней, а Пашка, очевидно смущенный приглашением, тоже выглядел каким-то растерянным, так что по дороге они в основном молчали.

Глава 6

Разговор за чаем

– Я гостя привела! – громко сообщила Алина, увидев раскрытое окно, чтобы родители успели привести себя в порядок (уборка и ремонт, естественно, проводились в старой одежде, в которой мама ни за что не хотела бы показываться перед посторонними).

В доме началось какое-то движение. Немного помешкав, Алина открыла дверь, и они с Пашкой вошли в дом. Оказавшись в сенях и заметив икону, гость машинально поднял руку, чтобы перекреститься, но, присмотревшись, слегка вздрогнул и руку убрал. Девочку такое поведение слегка удивило, но расспрашивать о нем Пашку было сейчас не время.

Разувшись, пройдя дальше и увидев галерею вышитых портретов, мальчик остановился, в буквальном смысле слова разинув рот, словно дикарь, впервые увидевший какое-то достижение цивилизации. Девочке даже стало неудобно за своего гостя, и она порадовалась, что родители еще не вышли из комнаты. Она с сожалением отметила, что Пашка совершенно не умеет вести себя в гостях, не то что ее городские знакомые.

– Проходи, садись, чего стоишь, – Алина слегка подтолкнула его вперед.

– Откуда это у тебя? – спросил Пашка, выйдя из оцепенения. Его голос звучал как-то неестественно, будто принадлежал не мальчишке, а пожилому человеку.

– Да так, вышивка! – ответила девочка, не ожидавшая столь пристального внимания к портретам.

– Ты это сама вышивала?!

– Нет, что ты, – Алина поборола искушение приписать чужую работу себе. В это едва ли поверил бы даже такой наивный человек, как ее сельский знакомый. – Я их в доме нашла, в сундуке. Что, нравятся?

– Не нравятся они мне... – задумчиво произнес Пашка одновременно с последней Алининой репликой.

– Что бы ты понимал в вышивке!

– Тут не в вышивке дело...

– А в чем же?

– Просто где-то я их видел...

– Интересно, где же?

Этот странный диалог, грозивший перерасти если не в ссору, то в серьезное непонимание, прервало появление Алининых родителей. Пашку они встретили очень радушно, как будто давно его знали. Только папа смутил и его и Алину шуткой о том, что тайный поклонник наконец сделался явным. Говорила в основном мама. При этом она все время пыталась вовлечь в беседу и гостя, так что мальчик понемногу перестал смущаться и разговорился, активно жестикулируя и грозя опрокинуть столовые принадлежности. Алина даже не представляла себе, что он может быть настолько разговорчивым, едва ли не болтливым. Сама же она, против обыкновения, все больше молчала, отчего-то ощущая странную неловкость, будто это она была в гостях.

Разговор перескакивал с одного на другое, без определенной темы, пока наконец не сосредоточился вокруг сельской жизни. Пашка, умело направляемой Алининой мамой, успел многое рассказать о местных жителях и обычаях. Дошла очередь и до истории купленного ими дома. Родители Алины были очень довольны недорогой и качественной покупкой, о чем не преминули рассказать гостю.

– Здесь подолгу никто не жил! – сообщил Пашка.

– Это почему же? – удивилась мама.

– Дом хороший, добротный. Природа красивая. Люди вроде тоже хорошие... – развил ее мысль папа.

– Да кто их знает почему! – Пашка пожал плечами и едва не опрокинул чашку. – Кто-то помер быстро, кто-то хворать стал, кто-то ни с того ни с сего дом продал... Вот...

В комнате повисло молчание. Разговор, протекавший до этого момента не то чтобы весело, но вполне беззаботно, неожиданно приобрел неприятный оттенок. Конечно, ничего особенного в Пашкиных словах не было: в любом старом доме кто-то когда-то болел и умирал, но, заговаривая об этом, собеседники словно воскрешали печальные моменты прошлого.

– Выходит, мы живем в нехорошем месте! – рассмеялся папа, но как-то натужно, неискренне. – Еще, чего доброго, здесь привидения водятся!

– Мало ли какие бывают совпадения! – воскликнула мама. – Уж мы-то здесь надолго!

– Вот хорошо бы! – обрадованно воскликнул мальчик.

– Водятся-водятся! – вступила в разговор Алина, решившая вдруг, что настало самое время узнать у Пашки побольше информации. – Здесь же раньше ведьма жила!

– Какая ведьма?! – Мамина чашка звякнула о блюде.

– Ну я же говорил! – бодро воскликнул папа, который, в отличие от супруги, ни в какую чертовщину не верил принципиально.

– Ведьма... Она была не совсем ведьма... Просто говорили так... Вот... – смешался Пашка. Он растерянно посмотрел на Алину, словно ожидая от нее ответа, нужно ли посвящать ее родителей в связанные с домом неприятные обстоятельства.

– Ты же сам говорил: какая-то бабка Акулина была... – подбодрила его девочка.

– Так это давно было. Ее только старики помнят. – Пашке отчего-то очень не хотелось рассказывать эту историю. То ли он не хотел пугать обитателей дома, то ли считал, что в том месте, где жила ведьма, пусть и мнимая, не стоит упоминать о ней без нужды.

– Рассказывай, раз уж начал! Мы с Алиной любим страшные истории! – весело произнес папа и подмигнул. Правда, по лицу мамы было видно, что она едва ли получит удовольствие, выслушав страшилку о собственном доме.

– Да тут и рассказывать нечего... – Пашка собрался с мыслями. – Жила когда-то в этом доме бабка Акулина. Лет пятьдесят тому, а то и побольше... Поговаривали, что у нее глаз дурной, что, если кто ей не нравился, хворать начинал и помирал.

– Ну а потом-то что? – Алина прервала затянувшуюся паузу.

– А потом померла, – продолжил Пашка, тяжело вздохнув, словно речь шла о близком для него человеке, и перекрестился.

– Ну, это не очень страшная история, – разочарованно протянул папа. – И коротковатая.

– А как она померла? – вдруг решила уточнить Алина.

– Да обыкновенно, – пожал плечами Пашка. – Со своей вышивкой.

– Как?! – Алина уронила чашку. Теплый, почти горячий чай потек по столу и закапал брюки, но девочка даже не обратила на это внимания.

– С вышивкой, – повторил Пашка. – Она, сказывают, всегда вышивала. Сидит, бывало, у окна или в саду и орудует иглой – туда-сюда, туда-сюда, будто птица клюет. Потом голову подымет, зыркнет своим дурным глазом – и ухмыляется!

– Ты как будто сам это видел! – усмехнулся папа, на которого живописные подробности жизни и смерти деревенской «ведьмы» не произвели никакого впечатления.

– Не видел, но старики говорили, – буркнул Пашка, как будто слегка обиженный таким недоверием. – Егоровна покойная и другие...

– Так что там с вышивкой? – напомнила Алина, в то время как мама хлопотала, вытирая разлитый чай и укоризненно поглядывая на нее.

– Говорят, так и померла со своей иглой и пальцами, – нехотя добавил Пашка.

– Наверное, палец уколола. Как Спящая красавица. – Папа пытался шутить, хотя постепенно и поддавался общему подавленному настроению.

– А тебе, наверное, ее пяльцы достались, – вдруг догадалась мама, обращаясь к дочери.

– А чьи же еще! – выдохнула Алина. А про себя подумала, что обладать пяльцами, в руках с которыми умерла предположительная ведьма, конечно, неприятно, но вышивать ее иглой – значительно неприятнее. Представив себе этот предмет в чьих-то мертвых руках, девочка резко вздрогнула и даже почувствовала в подушечках собственных пальцев неприятный холодок. А уколотое когда-то место слегка заныло.

– Так ты на ее пяльцах ее иглой вышиваешь? – испуганно спросил Пашка, сделал движение, как будто хотел перекреститься, но тут же, словно устыдившись своего суеверного порыва, опустил руку и отчего-то (наверное, от волнения) сжал кулак.

– А что – инструменты, наверное, хорошие, раз она всю жизнь ими пользовалась, – трезво рассудил папа. – Тогда делали не так, что сейчас. Из натуральных материалов, на века. Не то что нынешний ширпотреб. Это, считай, тебе повезло!

– Наверное, – задумчиво произнесла Алина. – Я вообще везучая!

– А ведь эти портреты тоже, наверное, она вышивала! – охнула мама, обводя глазами галерею, над размещением которой недавно трудилась.

Некоторое время все молча разглядывали вышитые лица. Тишину снова нарушил папа.

– Так они, наверное, из твоего села! – воскликнул он, обращаясь к Пашке. – Ты их, случайно, не знаешь?

– Не-а, – Пашка задумчиво помотал головой. – У нас таких нет. Хотя этого вроде где-то видел... – Он кивнул на одно из изображений, с которого глядел молодцеватый парень, чем-то неуловимо напоминавший его самого.

– Портреты же давным-давно вышиты, – заметила мама. – Сейчас, наверное, уже никого из них и не осталось.

Разговор окончательно расклеился. Пашка снова смутился и сделался неловким и молчаливым. Немного помявшись, он заторопился домой, сославшись на какое-то загадочное срочное дело. Выходя, он то и дело косился на портреты, а ступив за порог, припустил так, словно за ним кто-то гнался.

Алина с родителями принялись за обычные домашние хлопоты. Папа участия в разговоре не принимал, он что-то пилил на веранде, а девочка с мамой обсуждали недавнего гостя, то и дело переходя от его персоны к услышанному.

Пашка, к удивлению Алины, маме даже понравился. А вот его рассказ произвел неприятное впечатление. Теперь мама подумывала о том, что портреты они повесили напрасно. Хотя, если подумать, висят же в музеях картины давно умерших художников – и ничего! Да и папа был бы явно против снятия из-за каких-то суеверий работ, над оформлением которых он немало потрудился.

Если маме было просто неприятно, то Алине, припомнившей свои сны и ночные хождения с вышиваниями, от Пашкиных слов сделалось жутковато. Она даже задумалась о том, не избавиться ли от найденных в сундуке пялец и иголок, но тут же одернула себя. Сделать такую глупость из-за каких-то сказок и легенд – ну уж нет! Она же не какая-нибудь суеверная дура!

Так что, несмотря на все услышанное, Алина, разделавшись с домашними делами, остаток дня провела за вышивкой. Правда, для того, чтобы взять в руки иголку и пяльцы, пришлось пересилить себя, преодолеть нахлынувшие робость и отвращение. Но она же не тряпка какая-нибудь! Не зря же она гордилась, что, в отличие от большинства сверстниц, могла спокойно взять в руки какую-нибудь лягушку или паука. А тут – подумаешь! – просто какие-то старые вещи. Иголка летала над канвой, крестики ложились ровными рядами, причем девочка почти не глядела на них, что, однако, ничуть не портило работу. Перед глазами у нее стояла фантастическая схема, привидевшаяся ей возле кладбища. Это, конечно, было уже чересчур.

Еще немного – и весь мир покажется одной огромной вышивкой. Алина убеждала себя, что надо сдерживать себя в зашедшем столь далеко увлечении, однако продолжала мерно работать иглой.

Глава 7

Новые сны и новые схемы

Вечером Алине долго не спалось. Уж слишком насыщенным и нервным получился день. Сведения о хозяйке дома, собственное странное поведение возле сельского кладбища – все это никак не укладывалось в голове. Девочка, как и ее отец, была убеждена, что всему на свете должно находиться логичное, рациональное объяснение. А теперь эту ее уверенность пытались поколебать загадочные обстоятельства. От этого становилось очень неудобно.

За окном шумел ветер, в доме что-то поскрипывало и постанывало, и Алина стала понимать, отчего люди в прежние времена были такими суеверными. Она представила, что находится в том же самом доме много лет назад, одна, без электричества и связи. Тут собственной тени пугаться будешь и поверишь во все что угодно: и в ведьм, и в домовых. И сейчас-то порой жутковато становится...

Интересно, почему другие люди так скоро покидали этот дом? Совпадение? Или все гораздо сложнее? Почему сундук с вышивкой оставался нетронутым? Вопросы без ответов продолжали тесниться в голове. Девочке уже хотелось оказаться подальше отсюда, в городе, даже в школе. Она никогда не думала, что сможет расклеиться до такой степени, отчаянно ругала себя за слабость, но... продолжала ощущать непонятную, немотивированную опасность.

Очень хотелось пройтись по всем помещениям и зажечь везде свет. Но тогда стали бы видны портреты, а смотреть на них Алине совсем не хотелось. Ей подумалось, что, наверное, ночью в музеях бывает страшновато. А еще хотелось запереть дверь на чердак, а ключ куда-нибудь спрятать. Ночные хождения туда порядком надоели. Трудно было понять, что в это время можно делать возле сундука.

Усталость наконец взяла верх, и Алина заснула под собственные тревожные мысли, когда было уже далеко за полночь. Во сне она сама предстала в образе великанши с огромной иглой, на которую пыталась насадить маленьких, размером с небольших кукол, людей. Среди них девочка узнавала своих одноклассников, соседей. А где-то вдалеке маячил образ, очень напоминавший ее саму. В какой-то момент Алина увидела маленького Пашку и погналась за ним. Во сне он оказался очень проворным и долгое время ускользал от иглы, пока не оказался зажат в углу. Великанша Алина направила свое орудие, которое для маленького Пашки было не меньше копья, ему в грудь. Девочка осознавала, что не должна этого делать, и пыталась сопротивляться, но оказалась не властна над собственными поступками. Острые иглы уже прикасались к груди мальчика, когда Алина наконец сумела проснуться с истошным криком «Нет!».

Прибежавшие на ее вопль родители оказались здорово напуганы. Алина с трудом смогла убедить их (а заодно и себя), что это всего лишь дурной сон. За окном еще только светало; девочка проспала совсем мало. Но засыпать снова ей ни за что не хотелось. Конечно, выходные – самое время для того, чтобы выспаться, но чем видеть такие сновидения, лучше вовсе не засыпать. Алина поднялась с кровати, чтобы одеться, и только в этот момент обнаружила, что в руке у нее зажата иголка с темной ниткой.

Только этого еще не хватало! Так во сне и заколоть кого-нибудь можно! Конечно, иголка совсем небольшая, не то что во сне, и убить человека ею удалось бы едва ли, но вот нанести болезненную рану – запросто. А уж если ее проглотить... Алина внимательно осмотрела иголку. За короткий период своего увлечения она уже начала в них разбираться и понимала достаточно, чтобы определить, что такой иглы в ее наборе не было. А значит, она взяла ее где-то в доме. Неужели она разобрала сундук не до конца и там что-то осталось? Конечно, иголка легко могла завалиться в какую-нибудь щель, но все-таки...

Придирчиво осмотрев вышивку, девочка убедилась, что та осталась в том же состоянии, что и вчера вечером. Да и цвет нитки к ней не подходил. Алина внимательно оглядела ком-

нату, перетрясла постель и даже заглянула под кровать, надеясь найти вышивку, над которой работала во сне, но так ничего и не обнаружила.

Тогда она поднялась на чердак. Идти туда совершенно не хотелось, но Алина понимала, что если она не разберется во всем сейчас, то будет в этом доме постоянно испытывать страх или как минимум дискомфорт. Помедлив с полминуты перед сундуком, девочка открыла его своим ключом-крестиком. Алина знала, что, стоит крышке откинуться, она увидит зеркало, но все равно при виде его испуганно отпрянула назад. Немного придя в себя, она сделала шаг вперед. Ей показалось, что зеркало стало еще более тусклым, а покрывающих его поверхность трещин прибавилось, из-за чего ее отражение здорово состарилось. Но разглядывать его у девочки не было ни малейшего желания.

Алина принялась перебирать оставшиеся в сундуке вещи. Сначала она старалась делать это как можно аккуратнее, а потом, войдя в раж, раскидывала их как попало. Но ничего нового она в нем так и не нашла. Все относящееся к вышивке из него уже вынули. Оглядев созданный ею самый беспорядок и тяжело вздохнув, Алина принялась убирать все на место. Она думала о том, откуда взялась иголка и куда подевалась вышивка. Конечно, иголка могла валяться где угодно. Искать ее в доме, особенно в старом, ничуть не легче, чем в пресловутом стоге сена. Но вот вышивка... А может, она ничего и не вышивала? Только собралась, вдела нитку в иголку и не начала? Да и иголка могла где-то валяться уже с ниткой. Такое объяснение не казалось убедительным, но ничего лучшего придумать не удавалось, так что пришлось остановиться на нем.

День проходил на редкость скучно. Идти гулять после вчерашнего похода к церкви и кладбищу не было ни малейшего желания. Пашка куда-то запропастился: наверное, стеснялся. Ведь если бы он зашел, получилось бы, что он снова напрашивается на чай, а то и на обед. Даже подходящих домашних дел не находилось. Так что, кроме вышивки, по большому счету, ничего и не оставалось. Сначала Алина хотела выбросить неизвестно как оказавшуюся в руках иголку, а затем решила, что это было бы глупо, и тут же стала использовать ее по назначению.

* * *

На этот раз, собираясь домой, папа решил выехать на шоссе другой дорогой, которая, как ему показалось по карте, была короче. Идея оказалась неудачной. Мало того что эта дорога оказалась совершенно разбитой, что в весеннюю пору доставило особенно много хлопот, она к тому же шла то вверх, то вниз, как на аттракционе «американские горки», словно те, кто прокладывал ее, задались целью сделать маршрут как можно более сложным. Здесь вполне можно было бы проводить какие-нибудь экстремальные ралли. На одном из холмов автомобиль что-то обиженно буркнул и наотрез отказался ехать дальше.

Пока папа ругал автопроизводителей и местную администрацию, ответственную за состояние дорог, одновременно пытаясь завести забастовавший двигатель, а мама ругала папу за его неудачный эксперимент, Алине ничего не оставалось, как наслаждаться открывшимся видом, который был действительно хорош, особенно при свете заходящего солнца. От села они уже находились довольно далеко, но девочка без труда нашла его вдалеке, где возвышалась церковная колокольня. Этот вид словно ждал художника, который бы его запечатлел, но на Алину, тут же вспомнившую неприятные минуты, проведенные вблизи церкви и кладбища, он производил гнетущее впечатление.

Солнце заходило прямо за колокольню, и причудливая игра света и тени вызвала к жизни странную картину: девочке стало казаться, будто силуэт церкви напоминает ей странный ключ-крест, а по нему идут те же загадочные узоры, что и на вышивке. У Алины закружилась голова, и она прикрыла глаза, ухватившись за машину одной рукой. Еще не хватает грохнуться в обморок, как вчера! Если бы рядом случился Пашка, чтобы ее подхватить – это еще куда ни шло! Но

падать в грязь не хотелось совершенно. Едва она ухватилась за машину, как двигатель пришел в сознание и бодро фыркнул, давая хозяевам понять, что готов к работе. Особенно удивлен был папа, который, оставив попытки привести его в чувство, просто стоял рядом, озадаченно почесывая затылок.

Алина кое-как села в машину, и дальше они ехали без приключений. Но всю дорогу домой девочка избегала смотреть назад, борясь с собой – почему-то ей очень хотелось оглянуться, как и накануне, когда ее буквально тянуло вернуться к церкви и погосту.

* * *

В городе Алине как будто полегчало. По крайней мере, в квартире все было знакомо, просто и понятно: ни тебе ведьм в прошлом, ни сундуков в настоящем, ни неизвестно чьих портретов. Девочка даже подумала, не стоит ли отказаться от следующей поездки в деревню: по такому случаю можно и больной прикинуться. Но, странное дело, сельский дом не только пугал ее, но одновременно и притягивал. Как будто он таил что-то для нее очень важное. К тому же она, хотя и не признавалась в этом даже себе, привыкла к общению с Пашкой. По сравнению с ним городские сверстники казались какими-то ненастоящими, неискренними. В течение недели эти ощущения только нарастали, и Алина поняла, что в городе ей становится просто скучно.

Между тем, вышивальное ее мастерство все совершенствовалось. Обычные, пусть и сложные, схемы стали казаться недостаточно интересными. И она решила, что создание чьего-нибудь портрета станет достойным вызовом. Ведь девочка втайне мечтала превзойти или хотя бы повторить достижения прежней хозяйки деревенского дома, «ведьмы» Акулины. Вот только начать работать над чьим-то портретом, не создав предварительно схему, она, адекватно оценивая свои силы, пока не решалась.

Несколько раз Алина принималась сама разрабатывать схему. По фотографиям, конечно, ведь рисовала она не слишком здорово. Однако результаты оставляли желать лучшего. Девочка толком даже не знала, с какой стороны подступить к решению этой задачи. Можно было, конечно, заказать схему у профессионального дизайнера, но, во-первых, это дорого, а во-вторых, неинтересно: как будто не сама рисуешь, а срисовываешь что-то по клеточкам.

Однажды, сидя на уроке истории, Алина рассеянно слушала учителя, машинально водя карандашом по бумаге. Иногда она рисовала что-нибудь на полях, какие-нибудь абстрактные узоры или цветочки. Но раньше девочка всегда видела, что именно изображает. Сейчас же она делала это вслепую.

От этого бессознательного занятия ее оторвал звонок. Взглянув на исчерканный лист, Алина ахнула: на нее смотрел Пашкин портрет, причем целиком состоящий из очень мелких крестиков. Изобразить кого-то в такой технике было бы затруднительно даже для профессионального художника. Она, правда, читала об особом направлении в живописи, приверженцы которого писали картины цветными точками, но никогда не думала, что откроет в себе подобный талант.

– И кто же этот красавчик? – раздался насмешливый голос. Через плечо заглядывала Люда.

– Не важно! – Алина быстрым, каким-то судорожным движением спрятала рисунок в книгу и захлопнула ее.

– Он очень даже ничего! – продолжила Люда. – Интересно, откуда он? Что-то я его не знаю.

– И хорошо, что не знаешь! – рассердилась Алина. Представив себе, какое впечатление произвела бы жеманная одноклассница на простодушного Пашку, она усмехнулась и не удержалась от язвительного замечания: – Ты не в его вкусе!

– А, это, наверное, тот деревенский воздыхатель, который дарит странные подарки! – Люда, которая сначала хотела просто слегка поддеть Алину, тоже начала заводиться по-настоящему. – Он их, наверное, в огороде выкапывает?

– Не твое дело! – Алина действительно разозлилась. Ей вдруг захотелось рассказать кому-нибудь про Пашку с его букетами, но только не Люде. – Уж точно не у родителей выклянчивает, как некоторые.

Она досадовала на то, что ввязалась в этот разговор и привлекла внимание к своему рисунку и тому, кто на нем изображен, но еще больше злилась на Люду, у которой на уме только мода, сплетни и мальчики. Надо же такому случиться, что рисунок увидела именно она! Теперь точно всем растрезвонит. Чувство досады на время даже вытеснило удивление от неожиданно открывшихся рисовальных способностей.

На следующем уроке Алина только делала вид, что слушает учителя. Она продолжала сердиться на Люду и только к концу урока заметила, что ее рука снова рисует портрет, на сей раз карикатурный, изображающий недавнюю обидчицу. Он снова состоял из мелких крестиков – вышивай хоть сейчас. Сходство оказалось столь явным, а ирония столь очевидной, что Алина усмехнулась и нарочно оставила его на парте.

Расчет оказался верным. Люда, на протяжении всего урока косившаяся в Алинину сторону, не утерпела и сразу после звонка поспешила посмотреть, что та нарисовала на этот раз. Увидев рисунок, она возмутилась и хотела схватить его, чтобы уничтожить шарж, но Алина оказалась проворнее.

– Ну что, полюбовалась? – язвительно поинтересовалась она, убирая продукт своего творчества.

Уже дома Алина подумала, что если уж она собирается вышивать портреты, неплохо бы начать именно с карикатуры на Люду. Во-первых, к шаржу требования не такие, как к реалистическому портрету. А во-вторых, если Людкин портрет не получится, будет не очень-то и жалко. Кстати, и схема готовая есть. Она, конечно, с большим удовольствием вышила бы Пашкин, но показывать кому-нибудь такую работу, наверное, постеснялась бы.

После этого случая, уверовав в свои способности, Алина несколько раз пробовала составить чей-то портрет-схему сознательно, но результаты получались совершенно жалкие, без малейшего внешнего сходства.

Скорость, с которой девочка вышивала, увеличивалась с каждым днем. Это неторопливое, в общем-то, занятие, стало для нее своеобразным спортом. Иголка буквально порхала над канвой – только успевай менять нитку. Причем быстрее всего работа шла тогда, когда Алина вовсе про нее забывала, думая о каких-то посторонних вещах. Вышивка для нее становилась уже не хобби, а чем-то вроде наркотика. В дни, когда она долго не могла вернуться к этому занятию, в руках начинался какой-то зуд, пальцы словно сами искали иголку и находились в беспокойстве до тех пор, пока не получали желаемое.

На следующий день после того, как Алина начала вышивать шарж на Люду, та не пришла в школу. Ни она, никто другой не придали этому особого значения. Простуды весной – дело обыкновенное, тем более что Люда одевалась очень легко, следуя скорее моде, чем погодным требованиям. Однако уже через день по школе поползли какие-то странные слухи. Со слов одной девочки, мать которой работала в районной поликлинике и, как видно, не слишком строго хранила врачебную тайну, «у Людки все лицо перекошило». Причем что это за странная болезнь, что приключилось с ее лицевыми мускулами, понять никто не мог. Естественно, идти в таком виде в школу, да и просто показаться на людях она не могла. Такое и для обычного-то человека испытание, а уж для того, кто так гордится своей внешностью, и подавно.

Такое совпадение опечалило Алину. Ведь, хотя на вышивке Люда представляла не в лучшем виде, девочке совсем не хотелось, чтобы такое случилось с той в жизни. Алина даже решила не вышивать эту карикатуру (по крайней мере до тех пор, пока одноклассница не

выздоровеет), но за ночь работа значительно продвинулась, и девочка с грустью и беспокойством поняла, что по-прежнему вышивает в сомнамбулическом состоянии. Она так расстроилась, что хотела даже уничтожить вышивку, но поступить так с собственной работой у нее не поднялась рука.

Глава 8

Ведьма!

В деревню Алина ехала со смешанными чувствами, так и не поняв толком, хочет ли снова оказаться там. В последнее время она вообще часто не могла определиться со своими желаниями и пристрастиями, как будто в ней жили два разных человека, с разными характерами и вкусами. Конечно, девочка слышала и читала про переходный возраст, в котором такое бывает и в который она как раз входила, но она никогда не думала, что это будет проявляться настолько резко.

В доме все выглядело как обычно. Даже букетик при входе, который Алина воспринимала уже едва ли не как норму и удивилась бы, если бы его вдруг не оказалось. Но тем не менее девочку не покидало ощущение чьего-то недавнего присутствия, как будто кто-то побывал здесь без хозяев. Откуда у нее возникло такое странное чувство, Алина не понимала, тем более что родители вели себя совершенно спокойно и, похоже, ее тревоги не разделяли.

Девочка, сама не зная зачем, обошла весь дом, подолгу задерживаясь около каждого из портретов, вглядываясь в каждое лицо и пытаясь понять, что это был за человек и почему попал в эту галерею. Постояла она и у странной иконы, за которой обнаружила ключ и копию которой недавно вышла сама. Открывать сундук Алина не стала (не хотелось лишний раз глядеть на себя в растрескавшееся зеркало), однако зачем-то попробовала вставить ключ в замочную скважину, словно проверяя, что он по-прежнему подходит.

Перед сном девочка думала о прежней хозяйке дома и пришла к выводу, что не успокоится, пока не узнает о ней подробнее. Пашка, похоже, рассказал о ней все, что ему было известно. Ни в каких газетах, понятное дело, о ней не писали; это о современниках можно собирать информацию, выбирая нужное из Интернета. Значит, остается расспрашивать деревенских стариков. Алина вспомнила реакцию покойной Егоровны и даже вздрогнула. Но ведь Пашка говорил, что та была малость не в себе. Трудно, конечно, задавать вопросы незнакомым людям, но, похоже, придется. Девочка вспомнила, что когда-то хотела быть журналисткой, да и сейчас не до конца оставила эту мысль, а для работников прессы умение разговорить человека – важнейшее профессиональное качество. Вот и получится своеобразный тест на профпригодность.

Алина не стала откладывать дело в долгий ящик. Рано встав и быстро позавтракав, она отправилась на прогулку. Заходить в чужие дома с расспросами было не слишком удобно, поэтому девочка стала высматривать пожилых местных жителей на улице. К счастью для нее погода стояла хорошая, ясная и для этого времени года теплая, поэтому многие поспешили выйти из дома, чтобы посидеть на скамеечке, погреться на солнышке и, если случится, не спеша поговорить с кем-нибудь о жизни.

Первой, кого увидела Алина, оказалась старушка, с которой она на прошлой неделе встретилась в церкви. Девочке отчего-то не хотелось с ней заговаривать, но она пересилила себя.

– Доброе утро! – громко сказала она, припомнив, что, как показалось ей в храме, старушка слегка туга на ухо.

– И тебе доброе утро, девочка! – отозвалась та, внимательно вглядываясь в лицо Алины. Очевидно, она ее не узнала, что было немудрено. Ведь виделись они всего однажды, да и то в полумраке.

– Мы с вами на прошлой неделе виделись, в церкви, – напомнила Алина, подходя поближе.

– А, Акулина! – воскликнула старушка к досаде девочки.

– Меня зовут Алина, – отчетливо, по слогам, произнесла она.

– А по-церковному – Акулина, – настаивала старушка.

– Это как – по-церковному?

– Нет такой святой – Алина. А Акулина есть, – пояснила старушка. – Тебя, когда крестили, наверное, Акулиной назвали. Или Анжелиной.

– Не помню, я маленькая была, – ответила девочка, которой такое переименование пришлось не по душе. Своим именем она была вполне довольна.

– Давно у нас Акулин-то не было, – повторила старушка фразу, сказанную неделю назад. Сама она почему-то представляться не стала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.